

Эдуард Яров
**РОЖДЕНИЕ
ЛЕГЕНДЫ**

Эдуард Яров

Рождение легенды. Роман-сказка

«Издательские решения»

Яров Э.

Рождение легенды. Роман-сказка / Э. Яров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905366-4

Эпическое фэнтези — для подростков. Игра престолов — в мире животных. Рыжий Лис задумал нечто ужасное. Он собрал под своим началом целую армию хищников, и только Кролик сможет ему противостоять и спасти обитателей леса.

ISBN 978-5-44-905366-4

© Яров Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новое имя	6
Глава 2. Обманутые надежды	14
Глава 3. Хозяин	21
Глава 4. Торг	27
Глава 5. Беглец	33
Глава 6. Зайчатник	43
Глава 7. В бега	49
Глава 8. Добыча	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рождение легенды Роман-сказка

Эдуард Яров

*Скорее небо упадёт на землю, и реки потекут вспять, чем заяц
перехитрит лиса.*

Лисья поговорка

Иллюстратор Юлия Могош

© Эдуард Яров, 2020

© Юлия Могош, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4490-5366-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новое имя

Открыв глаза, зайчонок долго пытался понять, где он оказался. Над головой в синеве ясного неба шелестели пучки трав, развешанные на верёвках, и шумели кроны высоких берёз. Сам он лежал на ветхой циновке между трёх больших валунов, не позволявших осмотреться вокруг. Руки были обмотаны листьями, но боли в них зайчонок не чувствовал.

– Вот ты и очнулся, Кролик, – продребезжал рядом чей-то голос.

– Я не Кролик! – сказал зайчонок, однако даже сам не услышал собственного голоса: из открытого рта донёлся только едва различимый сип.

Он хотел подняться, но с трудом смог пошевелиться и лишь повернул голову.

– Лежи, сынок. – Только увидев Старца, зайчонок вспомнил, кому принадлежал дребезжащий голос. – Лежи – ты ещё слишком слаб.

Значит, он на Заячьем Вскормье. Только как он здесь оказался? И что с его руками? Старый заяц в своей поношенной хламиде до пят, опираясь на сучковатый посох, неспешно подковылял к зайчонку. Он был настолько преклонного возраста, что никто уже не помнил его настоящего имени, и все в лесу звали его просто – Старец или Старый Заяц. Он весь скрючился с возрастом так, что когда ходил, всё время смотрел в землю, и мог передвигаться, только опираясь на свой посох, который был вдвое выше него самого.

Пристанищем старого мудреца служило убежище, образованное тремя соприкасающимися огромными камнями так, что оставались три узкие щели между ними и небольшой просвет сверху. Присев рядом, старик приподнял зайчонку голову и из глиняной чашки напоил душистым отваром. В желудке резануло, и зайчонок понял, что уже давно ничего не ел. Сначала его чуть не вырвало, но потом желудок успокоился.

– Вот и славно, – сказал Старец, от острого взгляда которого ничего не укрылось. – Тот, у кого имеются силы, чтобы кушать, вызывает надежду на своё исцеление.

– Где мои родители? – хотел спросить он, но у него вновь ничего не получилось.

– Спи и набирайся сил, – ответил на его сип Старец; он всегда говорил неторопливо. – Я туговат на ухо и не слышу тебя, Кролик.

«Я не Кролик», – подумал зайчонок. Во сне он видел свою маму, и проснулся ночью в холодном поту, потому что вдруг понял, что больше никогда её не увидит. Только откуда он это знал?

Рядом тихо потрескивал в небольшом углублении костёр, и удивлённый зайчонок смотрел, не веря своим глазам. Ночью никто из мелких зверей не осмеливался зажигать костров из опасения, что огонь может привлечь хищников. Однако Старец, сидевший рядом на камушке, как ни в чём не бывало посохом поворошил костёр, из-за чего тот разгорелся ещё ярче. Точно говорила звериная молва, что старик, хоть и безмерно мудр, но не без странностей.

Днём на небольшой лужайке среди рощицы на холме собирались разные мелкие звери и птицы, но больше всех, конечно, было зайцев. Кто шёл к мудрецу за советом, кто за лекарской помощью, кто послушать истории, которых тот знал преогромное количество, а кто и просто посудачить и обменяться новостями. В благодарность звери несли старику травы, коренья, орехи, хворост...

Зайчонок же был ещё слишком слаб и не мог пока покидать расщелину. Старик, как оказалось, только выглядел таким немощным. Он старательно ухаживал за больным – поил отварами, перевязывал руки и выводил до ветра.

Однако зайчонок так и не мог вспомнить, что же с ним произошло, как ни пытался. Только на второй или третий день, когда его голос окреп настолько, что старик наконец его услышал, он смог повторить свой вопрос.

– Они ушли, сынок, – ответил мудрец, пожевав губами, – ушли туда, откуда не возвращаются.

Зайчонок в глубине души это уже знал.

– А как... – голос сорвался. – А как они ушли?

– Мне это неизвестно, сынок.

– Но как я здесь очутился, дедушка?

– Зайцы тебя нашли без чувств в мышинной норе и принесли ко мне. Никто не знает, сколько ты там пролежал.

– Но как я смог пролезть в такую маленькую нору?

– Ты её раскопал своими руками, сынок.

Зайчонок посмотрел на свои перевязанные руки. Пожевав губами, Старец добавил:

– Потому я и дал тебе имя Кролик.

– Но я не Кролик.

– Ты сумел обмануть смерть, и теперь тебе нужно новое имя. – Старик продолжал говорить, будто ничего и не слышал. А может, и в самом деле не слышал. – Новая жизнь – новое имя.

Зайчонок проплакал всю ночь, и только к утру сумел успокоиться. На следующий день, собравшись с силами и поднявшись на ноги, он впервые вышел на лужайку. Он не знал, сколько проболел, однако сверстники оказались выше его чуть ли не на целую голову, а его самого никто не узнавал.

И когда зайчонок Щербатый, прозванный так за сколотый передний зуб, спросил, как его зовут, зайчонок после некоторого замешательства ответил:

– Кролик.

Потихоньку зайчонок поправлялся и начал помогать старику в его нехитром хозяйстве: носил воду, собирал хворост, поддерживал огонь, чтобы варить различные отвары для врачевания и кушанья для самих себя. Старец, оставшийся без единого зуба, мог есть только варёные и истолчённые коренья и плоды.

Особенно зайчонок любил, когда старик доставал старинный свиток и начинал читать истории про легендарного зайца Ветрогона, который бегал настолько быстро, что мог обогнать ветер, а от хищников удирал и подавно... Конечно же, все зайчата без исключения хотели быть похожими на этого Ветрогона!

Иногда кто-нибудь просил рассказать про Ужасного Лиса, но такие истории Кролику не нравились: после них становилось очень страшно. Поэтому он старался отсесть подальше, чтобы ничего не слышать. Хорошо, что этот лис уже умер, а его Братство, наводящее ужас на всю округу, разбежалось...

Зато потом все зайцы уже в который раз спрашивали об Ужаснолесье. Ходили слухи, что после смерти Ужасного Лиса там не осталось ни одного хищника! Но на это старый заяц лишь грустно качал головой и отвечал, что это попросту птичьи вести и что хищники есть везде.

А потом начинались нескончаемые вопросы от любознательных зверят, на которые старик, верный своим привычкам, отвечал неспешно и порой столь загадочно, что не у всех хватало терпения дослушать до конца. По тому же свитку Старец учил читать всех желающих, среди которых был теперь и Кролик.

Только ночью они со стариком оставались одни.

– Дедушка, а почему ты не гасишь на ночь костёр? – Вопрос этот давно волновал зайчонка, и однажды после наступления темноты зайчонок решился задать его.

Моросил дождь, но под стоявшие под наклоном валуны, где располагались зайцы, капли не долетали. Старый Заяц сидел у костра и что-то записывал в своём Исцелительном Свитке.

– Огонь был моим единственным товарищем в последние луны, – отвлекшись от писания, произнёс старик. – Мы с ним уже как единое целое. Мне порой кажется, что я уйду в тот самый миг, когда погаснет этот костёр...

Но Кролику было не до загадок Старца.

– Но ведь хищники... – голос предательски сорвался.

– В эти узкие расщелины между камнями не сможет пролезть ни один хищник. Так что можешь не бояться.

«Легко сказать...» – поёжился от страха зайчонок. По ночам всегда становилось особенно страшно, и все мелкие звери в лесу старались спрятаться. Мыши скрывались в норках, белки – в дуплах, птицы – в гнёздах. Только зайцы не имели своего жилья, потому что было безопаснее прятаться каждый раз в самых разных потайных местах. Ночью наступала время хищников.

Старец, верный своим привычкам, уселся со своим неразлучным посохом у горящего костра, а зайчонок улёгся спать, но сон никак не шёл. От уханья филинов и криков неяснейшего сердца, казалось, уходило в самые пятки. Поворочавшись на циновке, Кролик попросил у старого зайца свиток про Ветрогона, который хранился в потайном углублении под самым большим валуном вместе с травами и снадобьями. Истории про быстрого и ловкого Ветрогона всегда вселяли уверенность и помогали прогнать страх.

Зайчонок умел читать пока только по слогам и, быстро устав от чтения, начал просматривать при свете костра многочисленные картинки. Рисунки красочно изображали Ветрогона, лихо убегающего от лиса, стремглав удирающего от целой шайки волков, с улыбкой идущего по руслу ручья, чтобы сбить хищников со следа...

– Дедушка, – спросил вдруг зайчонок, – а кто написал этот свиток?

Старец не отвечал, видать, уже задремал... Зайчонок уже и не ждал ответа, как старик неожиданно изрёк:

– Хороший вопрос ты задал, Кролик.

– Чем же он хорош, дедушка? – оторопел зайчонок.

– Тем, что ты начал думать. К сожалению, нынче у зайцев нет времени на это, они постоянно заняты тем, что бояться и бегать. Боятся и бегают, – повторил Старец, словно пробуя на вкус горечь своих же слов.

– Но кругом же хищники! – возразил зайчонок. – Вон и Ветрогон всегда убегал!

– Природа устроена так, что нам, зайцам, и в самом деле, должно убежать и скрываться. Однако хищники не могли поймать Ветрогона не только потому, что он бегал быстрее всех, а прежде всего благодаря тому, что он всегда думал, куда и зачем нужно бежать. Всегда старайся думать, сынок, прежде чем куда-нибудь мчаться сломя голову.

«Пока я буду думать, вместо того, чтобы дать стрекача, меня поймают и съедят!» – но зайчонок побоялся сказать это вслух и молча уткнулся обратно в свиток.

– Этот Заячий Свиток написал друг Ветрогона – заяц Короткохвост – после некоторого молчания продолжал старик. – В ней собраны все предания про нашего легендарного предка, а по сути – вся мудрость заячьего рода. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы драгоценная рукопись попала в руки хищников.

С наступлением утра роща вновь наполнилась оживлённым гомоном зверья. Особенно выделялся противный и пронзительный голос сороки Балаболки. Что это она с утра прилетела? Кролик с мешком со снадобьями выбрался из расщелины вслед за Старцем. Вся лужайка была усеяна большими и малыми камнями, на которых и рассаживались звери.

– Что случилось? – строго спросил у собравшихся заяц, усевшись на своё обычное место: старый поваленный ствол берёзы возле родника.

– Такое случилось, дедушка! – тут же затараторила сорока, прыгая по одному из валунов и не давая прочим и рта раскрыть. – Такое случилось, что ты даже не поверишь!

Если уж сорока взялась что-то рассказывать, то её уже не остановить. Но хуже всего то, что она любила нещадно привирать при этом.

– Хватит балаболить, Балаболка – прервал старик. – Рассказывай.

– Средь бела дня Рыжий Лис увёл обманом троих оленят. – Зайчонок затаил дыхание – сразу стало страшно. – Только представьте себе – средь бела дня! Всё стадо в большом горе. Сам Большое Копыто обещал переломить хребет лису. Обещать-то обещал, да только как ему словить-то...

– Ты, Балаболка, далеко не пойдёшь – и то наврёшь, – прервал Старец болтливую птицу. Среди зверей пробежал смешок.

– Одно слово – балаболка! – язвительно выкрикнул зайчонок Быстроногий.

– Сам ты балаболка, а я Белобока, – возмутилась сорока. – Вот клюну тебя, косой, в нос – будешь знать! Я всегда говорю только чистую правду! Я не умею по-другому. Вчерась до самой ночи Большое Копыто со своими оленями-воинами пытался разрыть жилище Рыжего Лиса!

Некоторые звери согласно закивали головами.

– Да всё без толку – больно глубока нора, до хозяина не добраться. Хотя старый Рогач уверял меня, что чуть не достал Рыжего Лиса копытом...

– А как же оленята доверились рыжему хитрецу? – спросил Старец.

– Он им наплёл, что теперь перестал охотиться и что теперь ест только одну траву. Только представьте себе – Рыжий Лис ест траву! Со смеху можно умереть! Он не всякую-то дичь станет кушать...

– Ну, довольно, Балаболка, – перебил старый заяц, – лети дальше своей дорогой!

– Я всегда говорю только чистую правду! Это все в лесу знают! – Мудрецу сорока перечить не осмелилась и, всем своим видом выражая недовольство, улетела дальше вещать по лесу свои новости.

Собравшиеся звери стали наперебой стали рассказывать, кто что слышал и знал. Сведения были весьма обрывочными и порой противоречили друг другу. У Кролика даже голова пошла кругом от всех этих новостей. Как тут выяснить, где правда, а где ложь?

– Оленята проявили большую оплошность, заговорив с Рыжим Лисом, – изрёк в итоге Старец. – Он столь хитёр, что уже разучился говорить правду.

– Нужно было убежать! – вскочив на камень и поправив рубаху, воскликнул Быстроногий. Присутствовавшие зайцы бурно его поддержали: он уже сейчас бегал быстрее многих сородичей.

Мыши решили, что нужно было спрятаться в норке, белки – залезть повыше на дерево, птицы – улететь подальше.

По устоявшейся уже традиции старый заяц отставил свой посох в сторону и принялся выслушивать зверей, которые жаловались на различные недуги. Больные, подходя по одному, присаживались на бревно рядом со стариком и рассказывали, что их беспокоит. Тщательно выслушав, а если надобно, то и осмотрев больного, старец давал каждому из мешка либо снадобье, либо высушенные травы для отвара, либо мази. Кролик помогал зверям унести лекарства с собой и терпеливо повторял ещё раз, как их применять.

Время уже близилось к полудню, когда краем глаза зайчонок заметил какое-то оживление среди собравшихся в Заячьем Всхолмье зверей. Оглядываясь в сторону восхода солнца, они тихо о чём-то перешёптывались. Волнение всё усиливалось, наконец птицы с криками вспорхнули со своих мест на деревья, и послышались крики:

– Рыжий Лис! Рыжий Лис идёт сюда!

Кролик весь похолодел. Рыжий Лис, гроза всего Многоручейного Леса, ходивший в своё время ещё под началом у самого Ужасного Лиса! Звери повскакивали с мест и бросились врассыпную. В мгновение ока роща опустела, а Кролик от страха не смог даже пошевелиться. В голове до сих пор звенел крик: «Рыжий Лис идёт сюда!»

Из состояния ступора его вывел Старец, встряхнув как следует за плечи.

– Ты ещё слишком слаб, а я уже слишком стар, чтобы убежать, – сказал он. – Спрячемся!

Они пролезли в жилище Старца, где тот первым делом спрятал свиток с преданиями. Но Кролик не чувствовал себя здесь в безопасности. К какой бы стороне он не прижимался, всегда оказывался слишком близко к одной из трёх расщелин. В конце концов, он дрожа от страха уселся на своё место и прикрылся циновкой, будто это могло его спасти...

– Здравствуй, длинноухий старик, – раздался вдруг где-то совсем близко чей-то мягкий вкрадчивый голос.

Рыжий Лис?! Кролик от ужаса, кажется, перестал даже дышать... А ведь ни единый звук не выдал подкравшегося хищника.

– Я смотрю, у тебя появился ученик.

В одной из расщелин мелькнул хищный оскал, и зайчонок начал трясти так, что он даже не смог поднять сползшую циновку.

– Что тебе нужно, Рыжий Лис? – спросил Старец.

Можно подумать, он ни капельки не боялся этого хищника!

– Мне ничего не нужно, уверяю тебя, старик! Я просто прогуливался и мимоходом решил испить из здешнего родника. Вода тут вкусная – вся пропитана заячьим духом.

– Ты ничего не делаешь просто так.

– Хо-хо! – хохотнул лис из-за камней. – Чего только не напридумывает звериная молва. Ты же знаешь, старик, – не стоит всему верить.

Речь лиса лилась так спокойно, а голос был такой мягкий, что Кролик ни за что не подумал бы, что его обладатель – жестокий и коварный хищник. Зайчонок даже почувствовал, что постепенно успокаивается – против своей воли.

– Я точно знаю, что не стоит верить твоим словам, Рыжий Лис, – твёрдо ответил Старец.

– Ты тоже думаешь, что не я умею сказать правды, и этому учишь своего ученика? – В голосе лиса, кажется, послышались весёлые нотки. В расщелине – теперь уже другой – сверкнули глаза хищника. – Уж больно маленького и тщедушного зайчонка ты выбрал, старик. Будет ли от него толк?

– Толк будет от любого, кто сам этого хочет, Рыжий Лис.

– Хо-хо! Ты же знаешь, как у нас говорят: дожившие да увидят. Но мне, к сожалению, пора. Прощайте, длинноухие!

Между валунов мелькнул рыжий хвост и исчез. Зайчонок сидел молча, боясь даже раскрыть рот. Только теперь до него дошло, что под учеником лис имел в виду его!

– Ушёл ли рыжий разбойник, голубушка? – подняв голову, обратился Старец к синице, сидящей на дереве.

– Ушёл, дедушка!

– Никогда не стоит верить лисам, – пожевав губами, сказал дедушка Кролику. – А Рыжий Лис – большой хитрец, и с каждым днём он становится всё хитроумнее и хитроумнее. Если бы он захотел, я думаю, он без труда смог бы поймать сейчас нас обоих. Но я уже слишком стар, а ты ещё слишком мал, а потому лис не пожелал попусту тратить время на нас.

– А я и в самом деле твой ученик? – решился спросить Кролик.

– Только ты сам можешь ответить, зачем ты здесь. Возможно, ты хочешь отблагодарить меня, помогая, или тебе просто некуда идти. А может, ты действительно хочешь постичь мудрость древних зайцев? Ты сам поймёшь, когда наступит время.

Кролику, конечно, и в самом деле идти некуда, но ведь очень обидно оставаться здесь только из-за этого!

– Я хочу, чтобы ты, дедушка, научил меня... – Зайчонок замолчал, увидев, что старик улыбнулся.

– Нельзя никого научить, можно только научиться самому. – Заяц сделал паузу. – Ко мне уже несколько раз приходили в ученики зайчата. Ты единственный, кто так надолго задержался, и, наверное, поэтому рыжий хитрец и заинтересовался тобой.

Кролик, вспомнив хищный оскал и ярко-рыжий хвост, вздрогнул.

– Дедушка, – помолчав, спросил он, – а ты разве не боишься лиса?

Старец некоторое время пристально смотрел на зайчонка, а затем спросил:

– Почему ты так решил?

– Ты так смело с ним разговаривал...

– Ты прав, я действительно не боюсь Рыжего Лиса, потому что смерть – это не самое страшное. Я боюсь другого. Боюсь, что не успею передать свои знания следующему поколению. Боюсь, что Заячий Свиток пропадёт после того, как меня не станет. Ничего не страшатся только дураки и сумасшедшие. Тот, кто думает о своём будущем, всегда чего-нибудь опасается. Хищники и те подвержены страху.

Для Кролика это стало открытием: он раньше даже не думал об этом...

– А чего же они боятся, дедушка?

– Голода, других хищников, смерти. Не каждый день у хищников бывает удачная охота, и порой они вынуждены драться из-за добычи. Но страх должен помогать думать о своём будущем, сынок, а не просто убегать. Об этом ничего не сказано, к сожалению, даже в свитках зайца Ветрогона.

«Страх-то у меня предостаточно, – вздохнул про себя Кролик, – только от него больше хочется как раз-таки бегать, а не думать...» Сказать такое вслух перед стариком он не осмелился.

– Лис приходил не просто так, – продолжал рассуждать Старец. – Я думаю, одна из причин – он хотел посмотреть на тебя, сынок.

Кролик не знал, смеяться ему или плакать.

– Но зачем он хотел меня увидеть?

– Он всегда думает о будущем. – Порой старый заяц совсем уже начинал говорить загадками. – И остерегайся Балаболки, сынок.

– Балаболки?! – удивился Кролик. – Почему?

В голове даже мелькнула шальная мысль: уж не сошёл ли старик с ума окончательно?!

– Слишком уж часто в нашем лесу вслед за Балаболкой появляется и сам Рыжий Лис. Сдаётся мне, это не простое совпадение.

Старец замолк. Над головой пролетело несколько встревоженных птиц, но призадумавшийся Старец их не заметил.

– Что случилось? – спросил Кролик, вскакивая.

– Внизу, в лощине появилась росомаха! – донеслось с высоты.

– Росомаха? – восторженно воскликнул старик. – Вот и истинная причина появления Рыжего Лиса! Идём, сынок.

– Куда, дедушка?! – опешил зайчонок, но Старец с удивительной для него прытью выбрался вон из расщелины.

Следовать за сумасшедшим стариком было страшно, но ещё страшнее – оставаться одному. После некоторого замешательства, Кролик поспешил за учителем. Снаружи в ноздри ударил такой сильный лисий запах, что закружилась голова. Старец же, спокойно проковыляв к краю лужайки, откуда лощина была как на ладони, уселся на камень.

Зайчонок, весь дрожа, примостился у камня, не решаясь даже выглянуть из-за него. «Но зачем, зачем мы сюда вышли?!» Кролик порывался сказать, что нужно идти обратно, однако от страха у него попросту отнялся язык. Из головы никак не выходили оскал лиса и его огненно-рыжий хвост.

– Смотри, сынок, – сказал шёпотом мудрый заяц. – Смотри, если и вправду хочешь научиться думать.

Зайчонок, зажмурившись, собрал остатки смелости... Он не помнил, как это получилось, но открыв глаза, с ужасом обнаружил, что стоит рядом со стариком.

Проследив за взглядом Старца, державшегося за свой посох обеими руками, Кролик разглядел в низине четыре фигуры и замер, не решаясь даже пошевелиться. Запоздало понял, что даже не выяснил с подветренной или наветренной стороны они вышли наблюдать за хищниками...

– Росомаха не один, – шёпот старика лился спокойно, как ни в чём не бывало, – с ним трое его подручных-шакалов.

Шакалы внизу суетливо высматривали и вынюхивали следы, иногда даже опускаясь на четвереньки. Росомаха же, как и положено вожаку, стоял в плаще из шкур и лишь указывал.

– Даже если хищники учуют нас, они не пойдут в нашу сторону.

«Но почему?!» Но вслух Кролик не смог произнести ни звука и лишь смотрел. Он ждал, что вот-вот кто-нибудь из хищников поднимет голову в сторону холма и...

– Потому что самые свежие следы ведут прочь от всхолмья. Хищники настолько самоуверенны, что даже представить себе не могут, что за ними наблюдает их добыча.

Не в состоянии даже пошевелиться, Кролик словно в тумане наблюдал за серо-бурой четверкой, рыскавшей в ложине, испещрённую заячьими следами. Один из шакалов вдруг повернул голову в сторону холма и принялся. Зайчонок затрясся, словно лист на ветру.

Однако, немного покрутившись по ложине, росомаха и шакалы и, в самом деле, бросились бежать по берегу ручья прочь от холма. Кролика почувствовал, что ноги его больше не держат, и он медленно сполз по камню на землю.

– Страх не так велик, когда видишь своими глазами то, чего боишься, – повернувшись, сказал старик.

Что за ерунда? Пытаясь что-нибудь ответить, Кролик разжал зубы, но они так застучали, что он тотчас закрыл рот и просто кивнул в ответ.

– Хитрый лис нарочно распугал всех зверей с холма, чтобы пришедшие хищники остались без добычи в лесу, где привык охотиться он сам.

Помолчав, старик неторопливо слез с камня и, опираясь на свой посох, заковылял обратно к расщелине. Зайчонок, изо всех сил стараясь унять дрожь, двинулся следом. Старец поворошил пучки трав, развешанные на верёвках, протянутых между валунами, и продолжил:

– Давай-ка, займёмся приготовлением снадобий. Травы высохли, а сегодня к нам всё равно уже никто не придёт...

Старик и в этот раз оказался прав. Больше в этот день на Заячье Всхолмье никто из зверей не показывался, все были напуганы хищниками. Кролик помогал старому зайцу толочь сушёные травы, но дрожь в руках у него так и не кончалась. Пребывание у Старца оказалась гораздо страшнее, чем он предполагал.

«Что же делать? Оставаться страшно, уходить стыдно...» Только к вечеру зайчонок наконец набрался храбрости, чтобы как можно невозмутимее произнести:

– Я пойду... погулять.

Старый Заяц, сидевший у костра, по своему обыкновению некоторое время помолчал.

– Должен признаться, – сказал он, не оборачиваясь, – что подлинная мудрость пришла ко мне только тогда, когда я уже не мог быстро бегать. Потому что только тогда, поневоле, я и начал по-настоящему думать.

Совсем сбитый с толку Кролик не нашёлся, что ответить.

– Прощай, сынок. – Старик так и не обернулся. – Возвращайся, когда будешь готов.

Кролику стало так стыдно, что из глаз брызнули слёзы, но он ничего не мог с собой поделать. Ноги сами понесли его прочь от Заячьего Всхолмья. Внизу, снова натолкнувшись

на следы Рыжего Лиса, Кролик вдруг вспомнил, что уже однажды видел его хищный оскал и большой хвост. В ту самую злополучную ночь, при свете полной луны. Тогда лис тоже улыбался...

Глава 2. Обманутые надежды

Трусишка боязливо выглянул из кустов и посмотрел туда, куда ему указывал Длинноног. Лес отсюда не виден, но они почти дошли. Осталось только пересечь поле...

Длинноног, осторожно высунувшись из зарослей, внимательно осматривался. Трусишка терпеливо ждал своего друга: он старше, и с ним не так страшно. Затевать такое дальнейшее путешествие в одиночку зайчонок Трусишка ни за что не осмелился бы.

Наконец, Длинноног удобнее пристроил за плечом свою котомку и, сделав перед собой пару резких взмахов палкой, сказал:

– Идём. Если что случится – бежим зигзагами в разные стороны.

Трусишка кивнул, пытаясь унять мелкую дрожь, и зайчата вышли в открытое поле. Кружившие в небе два коршуна сразу же радостно заклекотали и начали снижаться. Трусишку основательно струхнул и, выронив палку, повалился в траву. Однако Длинноног не потерял присутствия духа и угрожающе помахал своим оружием над головой.

Разочарованные тем, что лёгкой добычи не будет, хищные птицы поднялись на прежнюю высоту, но кружить над зайчатами не перестали. Трусишка подобрал свою палку и заторопился за товарищем.

Зайчата шли споро, но переход был длинный. Солнце нещадно припекало, и вскоре на открытом поле стало жарко. Длинноног держал палку наготове и время от времени помахивал ею. Идти, постоянно оглядываясь вверх, было чрезвычайно утомительно, вскоре у Трусишки затекла шея и перед глазами поплыли цветные круги от солнца.

Наконец, впереди затемнела полоска деревьев, показывающая на края поля, и зайчата, побросав палки, помчались изо всех, выделявая зигзаги.

Длинноног бегал быстрее, но Трусишка видел, что сейчас тот сдерживался, чтобы не оставлять его на поле одного. Он уже совсем выбился из сил, когда зайчата наконец влетели в спасительный подлесок. Длинноног, тяжело дыша, начал осматриваться по сторонам, а Трусишка ничком повалился на землю.

– Добрались! – шептал он, ещё даже сам не веря. – Добрались!..

Молва про этот вожделенный лес, где нет хищников, ходила среди зайцев давно. Но не многие набирались смелости отправиться в столь дальний путь, полный опасностей. Трусишка же после гибели родителей от рук хищников панически забоялся жить в родном лесу и от безысходности поддался на уговоры знакомого зайчонка, Длиннонога...

– Ещё одну такую пробежку я не переживу, – чуть отдышавшись, еле просипел Трусишка и постарался улыбнуться.

– Вся заячья жизнь – одна сплошная пробежка, – улыбнулся в ответ Длинноног. – Нужно идти к Большому Дубу, там узнаем все новости.

Трусишка не переставал удивляться тому, сколько сведений смог собрать Длинноног о чужом лесе из всяких слухов и домыслов. Трусишка поднялся, ноги всё ещё дрожали после сильного спурта.

Спросив дорогу у местного зяблика, друзья направились в указанную сторону. Теперь идти было гораздо веселее. Длинноног болтал без умолку, сбивая палкой листья с кустов. Про этот лес он, казалось, знал всё! Раньше здесь обитал знаменитый Ужасный Лис со своим Братством. Этот лис был настолько хитёр и умён, что под его началом ходили не только лисы и шакалы, но даже волки и медведи! Его Братство истребило всю мелкую живность в лесу и начало промышлять по соседним лесам, наводя ужас на всю округу.

Трусишка, тревожно оглядываясь, поёжился. Хотя Ужасный Лис и скончался ещё прошлым летом, слушать про него всё равно было ой как страшно. Вот после смерти лиса и не осталось в этом лесу ни одного хищника, потому как всё его Братство разбежалось.

Изредка осведомляясь у пернатых, правильной ли дорогой они идут к Большому Дубу, Трусишка и Длинноног неспешно продвигались всё глубже в Ужаснолесье. Во время путешествия они привыкли даже обедать на ходу. Но усталость начала брать своё, и, едва за вечерело, друзья, по привычке тщательно запутав следы, устроились на ночлег в зарослях ореха.

Проснувшись утром, Трусишка подумал, что ему давно не спалось так хорошо и спокойно. Длинноног уже расспрашивал соловья, долго ли им ещё добираться до Большого Дуба.

– Вы не местные? – Птица оглядела зайчат – те закивали. – Вам нужно пройти вдоль этой гряды по кабаньей тропе, перейти вброд Бурливую Реку у водополя и подняться выше по течению по той же тропе. У Большого Дуба живёт ворона Карр-Кар, у неё можно узнать все самые последние новости.

– А хищники в лесу есть? – спросил Длинноног.

– Поговаривали, что у Вязовой Опушки видели енотовидных собак. Но точнее вам расскажет только Карр-Кар.

Зайчата растерянно поблагодарили соловья и, наскоро перекусив листьями орехового дерева, тронулись в путь. Длинноног по дороге долгое время молчал, нахмурившись, а Трусишка даже и не знал, что думать. Как же так – в лесу без хищников есть хищники?!

– Похоже, всё это были обычные птичьи вести, – наконец сказал Длинноног.

– Но почему?!

– Если мы смогли добраться до этого леса, то и хищники запросто могли заявиться сюда.

Нетрудно догадаться, если пораскинуть мозгами...

Трусишка сник. Вскоре они вышли к протоптанной тропе и двинулись по ней. Местность понижалась, подлесок становился всё гуще – тропа вела к реке, к месту водополя и брода. Впереди послышался шум, и Трусишка сначала испугался, но видя, что Длинноног спокоен, и сам расслышал, что это топот копыт, а не ног хищников. Когда шум стал ближе зайчата ушли в сторону, чтобы пропустить небольшое стадо кабанов.

Широко ступая, возглавлял шествие огромный секач, за ним уже вразброс весёлой толпой шли кабаны поменьше, кабанихи и семенили, повизгивая, полосатые поросята. Трусишка с завистью посмотрел вслед шумному стаду. «Держатся вместе и никого не боятся, – подумал он. – Почему мы, зайцы, так не можем?»

Зайчата вернулись на тропу и зашагали дальше. Потянуло свежестью, и впереди в проёме, образованном зарослями возле тропы, показалась река.

Трусишка вслед за Длинноногом втянул ноздрями воздух. Водопой – опасное место, и те же самые собаки, о которых говорил соловей, могли устроить здесь засаду. Но ветер, дующий в их сторону, не приносил с противоположного берега никаких подозрительных запахов. Наказав ждать, Длинноног попрыгал по каменистому берегу вперёд. Переправляться нужно по одному.

Трусишка, сжавшись от страха, спрятался обратно в прибрежных зарослях. Оттуда он наблюдал, как Длинноног перепрыгивал с валуна на валун, в множестве разбросанных по мелководью, и добрался до середины реки, почти не промочив ног. Но далее большие камни кончились, и зайчонок, подняв котомку повыше, залез в воду, доходившей ему до пояса. Длинноног быстро добрался до другого берега и, отряхнувшись, махнул рукой, давая знак.

Трусишка вздохнул и выбежал из прибрежных зарослей. Он хотел перейти реку так же проворно и ловко, как его друг, однако уже на втором камне поскользнулся и свалился в воду, сразу вымокнув. Пришлось весь брод идти по воде.

Зайчатам не терпелось скорее дойти и, быстро утолив жажду и даже толком не обсохнув, они скорее двинулись дальше. Сначала тропа была широкая и вела прочь от места водополя, а после развилки, на которой зайчата повернули вправо, начала ссужаться и запетляла по чаще леса в сторону верховья реки.

Вдруг из густых зарослей на тропинку нос к носу выскочил местный зайчонок.

– Привет! – сразу окликнул его Длинноног.

– П-привет, – запыхавшийся незнакомец даже растерялся от неожиданности.

– Мы идём к Большому Дубу...

– Что вы! – замахал руками зайчонок, – Со стороны Речной Долины сюда идёт целая шайка енотовидных собак! Поворачивайте обратно!

У Трусихи перехватило дыхание от такого известия и захотелось плакать. В этом лесу не должно быть хищников...

– Мы не местные – не знаем, куда бежать...

– Только к Бурливой Реке. Встретимся у брода! – И зайчонок скрылся в зарослях так же быстро, как и появился.

У Трусихи всё похолодело внутри. По одной из заячьих заповедей при опасности следовало разбежаться в разные стороны, чтобы запутать хищников, а он до смерти не любил оставаться один! Длинноног ему что-то говорил, но Трусиха от страха ничего не мог понять. Когда товарищ подтолкнул его, показывая, куда бежать, Трусиха понёсся во весь дух сквозь кусты и заросли. Кто это только придумал, уходить от опасности врозь?! Те же кабаны, к примеру, улепётывают все вместе...

Изредка от выделывал петли, чтобы запутать следы, и бежал дальше. Местность опускалась всё ниже и ниже, а подлесок сгущался, грозя превратиться в совсем непроходимые заросли. Чтобы выйти к месту брода, Трусиха старался забирать левее, поскольку бежал вниз по течению реки. Наконец он вышел к Бурливой Реке, которая в этом месте полностью оправдывала своё название.

Мгновение Трусиха раздумывал, в какой же стороне находится брод: выше или ниже по течению? Рассудив, что раз хищники идут с верховья, то возвращаться обратно опаснее, зайчонок побежал дальше вдоль реки по течению. Земля всё больше заболачивалась, постепенно все деревья сошли на нет, и остались одни заросли ракитника. А когда кончились кусты, и открылся вид на окружающую местность, Трусиха понял, что оказался в ловушке.

Здесь Бурливая Река впадала в другую, широкую и полноводную реку, образуя длинный и узкий язык. И дорога отсюда была только одна – обратно. Судорожно пытаюсь что-либо сообразить, Трусиха заметался по осоке. Бежать к броду или затаиться здесь, хоть он и наветренной стороне у хищников?

Решив остаться, зайчонок спрятался в кустах ракитника, но страх не давал ему покоя и всё глубже проникал в душу. Не выдержав, Трусиха кинулся бежать обратно вдоль Бурливой Реки.

Чахлые деревца снова сменились густым лесом, но он даже не представлял себе, сколько ему ещё добираться до брода. Только бы успеть! Из зарослей ему навстречу вдруг выскочил запыхавшийся Длинноног. Трусиха ещё никогда не видел своего друга таким напуганным.

– Ты почему не у брода?! – насадно зашептал он.

– А ты? – растерянно пробормотал Трусиха, не найдя, что ответить.

– Я нарвался прямо на собак. Они отрезали меня от брода и погнали сюда.

Трусиха застыл от страха, но Длинноног, не дожидаясь ответа, быстро схватил его в охапку и потащил за собой обратно к месту слияния рек. Зайчонок хотел сказать, что туда нельзя, но от испуга не мог вымолвить ни слова.

Внезапно где-то сзади раздался чей-то хриплый голос:

– Зайчонок где-то здесь, я чую его запах!

Длинноног тотчас повалился на землю. Трусиха, прежде, чем упасть, успел рассмотреть над зарослями силуэт собаки на стволе старой поваленной ивы, зацепившейся ветками за стоящие рядом деревья и оставшейся так висеть.

В голове пульсировала только одна мысль – бежать! Вот только куда?! С трёх сторон – вода, а с четвёртой – хищники...

– Я нашёл следы ещё одного зайчонка! – слышался откуда-то издали хриплый голос другого хищника. – Их здесь двое! Окружай их, ребята, из этого мешка они уже не выберутся!

Кругом обложили! Прижимаясь к земле, зайчата бросились прочь от хищников. Плутая в густых зарослях, они бежали до тех пор, пока не повалились без сил под последним кустом ракитника. Трусишка даже не предполагал, что успел настолько далеко уйти от окончания языка.

– Там... некуда бежать... там река... – тяжело дыша, просипел он.

– Я уже догадался из разговоров собак, – устало ответил Длинноног. – Если бы только мы умели плавать, как бобры...

– Что же делать?! – еле слышно прошептал Трусишка, беспрестанно оглядываясь и прядая ушами.

Треск ломающихся веток под ногами хищников становился всё ближе. Длинноног, поправляя мешок, оглядел берег.

– Попробуем спрятаться там, – и он побежал к большой груде поваленных деревьев, выброшенных рекой на небольшой мысок во время весеннего половодья.

Более мелкий Трусишка с разбега пролез между брёвнами, Длинноног же замешкался, зацепившись котомкой за ветку.

– Вот они! Держите их, ребята!

От громкого окрика хищников, раздавшегося совсем рядом, Трусишка совсем потерял голову... Он продирался сквозь сучья, ветки, деревья, оставляя на них клочья шерсти. Собаки пытались поймать его в этом буреломе, просовывая когтистые руки в оставшиеся просветы, но зайчонок неимоверными усилиями вырывался и увёртывался.

От страха и усталости перед глазами совсем помутилось. Когти царапали чаще, кланье зубов становилось сильнее, крики преследователей громче. Конец неумолимо приближался.

Один из псов сумел схватить его за ногу и издал торжествующий вопль. Трусишка истошно завизжал и, схватившись за ближний сук, что есть силы лягнул другой ногой по рукам хищника. Ему удалось вырваться, но бревно, за ветвь которого он отчаянно держался, вдруг сдвинулось, и зайчонок почувствовал, что полетел куда-то в тартарары вместе с бревном...

Сил бояться уже не осталось, и Трусишка падал почти с облегчением. Он не сразу понял, что свалился в реку, пока вода не накрыла его с головой. Он чуть не захлебнулся, но дерево, за которое он намертво вцепился и не смог бы отпустить, если бы даже захотел, вынырнуло вместе с ним на поверхность.

Глотая воздуха ртом и кашляя, он увидел, что его уже унесло течением на порядочное расстояние от берега, где по поваленным деревьям прыгали и злобно орала собаки. Оглядевшись, Трусишка обнаружил рядом с собой Длиннонога, державшегося за соседнюю ветку.

– Это ты... хорошо придумал... с бревном – отфыркиваясь, сказал он.

«Само так вышло», – хотел сказать Трусишка, но открыв рот, нечаянно хлебнул воды и только закашлялся.

Из стремнины зайчат вместе со спасительным бревном вынесло на середину реки, где более спокойное течение повлекло их дальше. Собаки некоторое время бежали за ними по берегу, но путь им преградил приток, и они с криками, которые Трусишка не смог разобрать, скрылись в прибрежных зарослях. Кроме одного слова...

– Куда они побежали? – Трусишка изо всех надеялся, что ему послышалось.

– К броду, – ответил Длинноног. – Наверное, выше по течению и с этой стороны есть брод. Нужно пристать к левому берегу!

Но, похоже, собаки знали, что делали. Зайчата пробовали грести, но толку от этого не было никакого, течением их медленно, но верно сносило именно к правому берегу. Наверное, лесов без хищников вообще не бывает. И как столь очевидная мысль не пришла им в голову раньше!

Река степенно несла свои воды вместе с подневольными путешественниками. Правый берег медленно приближался, и Трусишка, плывший к нему спиной, беспокойно посматривал назад, но собак ещё не было видно. Зато над кронами деревьев показалось нечто огромное и чёрное.

– Крепость Ужасного Лиса... – выдохнул Длинноног.

Трусишка сглотнул. Прибрежные ивы и тополи наконец расступились, открывая взору высокий холм, каменистый склон которого был покрыт кустарниками и чахлыми деревцами. На самой вершине возвышалось большое деревянное строение, окружённое высоким частоколом. Брёвна со временем почернели, придавая Крепости ужасающий вид. Трусишка почувствовал, что снова начинает дрожать.

Течение, спасшее зайчат от своры собак, теперь несло их прямо к подножию холма. Конечно, сейчас там никакого Ужасного Лиса нет, однако на душе от этого легче не становилось. Зайчата снова попытались грести, но справиться с течением им было не под силу.

Бревно сплавлялось всё ближе и ближе к берегу, пока не застряло в зарослях прибрежного камыша. Зайчата прыгнули в воду и принялись толкать бревно, чтобы плыть дальше. Однако оно крепко зацепилось торчащими сучьями за илистое дно и не сдвинулось даже ни на йоту.

Спугнув несколько криков, зайчата выбрались на берег, прямо под Крепостью и, как обычно разделившись, чтобы лучше запутать следы, двинулись вдоль берега вниз по течению. Чем дальше они шли, тем круче становился холм, а береговая полоса сужалась. Вскоре, оба зайчонка топали уже совсем рядом – никто не рискнул приблизиться к страшному строению даже на шаг.

Заросли камыша и осоки становились всё гуще. Под ногами начала хлюпать вода, и через полсотни шагов берег окончательно превратился в непроходимую топь, а склон зловещего холма стал почти совершенно отвесным. Дальше никак нельзя было пройти. Зайчата попробовали идти через болото, но на втором же шаге Длинноног чуть ли не с головой провалился в трясину, и Трусишка еле вытащил его обратно. Вымазавшись в грязи с головы до пят, зайчата, тяжело дыша, отползли к узкому языку земли у стоявшего стеной холма.

– Может, нас не найдут здесь? – решил спросить Трусишка.

– Мы слишком наследили, – покачал головой Длинноног.

Оглядевшись, Трусишка увидел две отчётливые цепочки отпечатков ног на болотистой почве. По таким следам их здесь нашёл бы даже слепой хищник с насморком.

– Надо идти, – Длинноног поднялся.

– Но куда?!

– Вверх. Авось успеем проскочить.

Зайчата как сумасшедшие побежали по берегу в обратном направлении. Трусишка еле поспевал за своим другом. Он несколько раз падал, грязь лезла в рот, глаза и уши, но некогда было даже отряхнуться. Как только берег расширился, зайчата вновь разошлись. Впереди послышалось тьяканье. Трусишка похолодел – не успели!

Зайчата повернули так, чтобы проскользнуть между Крепостью и преследователями. Трусишка совсем уже выдохся и сильно отстал от Длиннонога. Где-то совсем рядом раздавались крики хищников. Трусишке приходилось забирать всё правее и правее, и вскоре он уже из последних сил карабкался по холму вверх.

Весь склон был усеян костями животных, которые вместе с камнями осыпались под ногами, затрудняя восхождение. Пот градом лился с зайчонка. Костей становилось всё больше, и он запоздало понял, что это остатки от обедов Ужасного Лиса и его Братства. К горлу подкатил комок, и Трусишка схватился за ближний валун, но тот вдруг сорвался вниз и вызвал оползень. Зайчонок покатился вниз и, ударившись о ствол раскидистого кустарника, внезапно провалился в какую-то яму.

Потирая ушибленные бока, он с трудом поднялся и понял, что это не просто яма, а обширная пещера, ведущая вглубь холма. Света через полузаваленный вход проникало мало, и здесь царил почти полный мрак. Трусешке даже показалось, что в глубине туннеля, кто-то есть... А что если подземелье ведёт прямо к Крепости?!

Он немедленно выскочил бы вон, но снаружи послышались голоса хищников. Трусешка затаился.

– Пока начинайте свежевать этого, – раздался весёлый голос, – а другого мы сейчас найдём!

– Найдём! – уверенно ответил второй. – Он не мог далеко уйти...

Собаки поймали Длинного и теперь искали его, Трусешку! Бежать можно было только дальше в пещеру. Трусешка со страхом всмотрелся в темноту – идти туда не хотелось. Кто знает, какие чудовища могут здесь водиться? От внезапно вспыхнувших в глубине пещеры глаз зайчонок просел... Крик застрял где-то в горле, и наружу вышел лишь еле слышный сип.

Трусешка не мог ни пошевелиться, ни о чём-либо думать, а только неотрывно смотрел на приближающиеся в темноте глаза...

Он не сразу понял, что ему что-то говорят, потому как с огромным облегчением наконец рассмотрел того, кто вылез из тьмы. Это был всего лишь ёж! Он устало снял с плеча котомку и, положив свой узловатый посох на землю, присел рядышком.

У Трусешки даже выступили слёзы на глазах. Он хотел сказать, что снаружи его ищут хищники, но всего лишь беззвучно открывал и закрывал рот. Ёж приложил палец к губам, призывая к молчанию, и Трусешка, прислушавшись, понял, что наверху происходило что-то совсем неожиданное.

– Кто поймал – того и добыча! – надрывались собаки, явно с кем-то споря.

– Здесь моя земля! – в ответ послышался такой медвежий рёв, что в пещере посыпалась земля. – И вся добыча возле Крепости принадлежит мне!

Похоже, появился сам хозяин Крепости. Трусешка даже не предполагал, что в Крепости кто-то ещё живёт. Раздались вопли, рёв усилился, и посыпались звуки ударов – началась драка. Зайчонок сидел, прижавшись к стене пещеры, и поглядывал на ёжика, сидевшего рядом. Хотя хищники бились совсем рядом, мысль, что он не один в темноте грота, давала ощущение некоторого спокойствия.

«Интересно, – подумалось внезапно зайчонку, – а что в этой ужасной пещере делает ёж?»

Воинственные крики собак снаружи быстро перешли в жалобное скуление, и, наконец, вовсе стихли. Трусешка переглянулся с ежом. В том, кто вышел победителем в побоище, сомнений у него не возникло, однако стало страшно, что хозяин Крепости начнёт искать второго зайчонка, то есть его.

Стараясь не шуметь, зайчонок и ёж чутко прислушивались ко всему, что происходило наверху. Медведь некоторое время ходил, тяжело ступая и кряхтя. Но и после того, как всё стихло, они ещё долго сидели, боясь даже пошевелиться. Медведь вполне мог устроить засаду у выхода.

Трусешка хотел спросить, что они теперь будут делать, но из-за того, что совсем пересохло во рту, только закашлялся. Ёж участливо покачал головой и достал из котомки бутылочную тыкву. Вода! Зайчонок вытащил пробку и жадно припал к горловине выдолбленной тыквы.

Только выпив больше половины, он опомнился и виновато вернул сосуд ежу. Тот сделал пару глотков и снова протянул тыкву.

– Допивай, лишняя тяжесть нам сейчас будет только мешать.

Ёж, захватив только посох, прокрался к выходу из пещеры и осторожно выбрался наружу. Трусешка в страхе остался его ждать. В темноте и одиночестве начала накатывать волна ужаса, и, казалось, прошла целая вечность...

Когда в подземелье что-то внезапно просунулось, зайчонок от страха едва не бросился наутёк, но вовремя разглядел, что это ёж.

– Жестокая была драка, – сказал он, спускаясь. – Собаки, а судя по следам, это были собаки, поступили опрометчиво, начав спорить с хозяином Крепости. Уцелел только тот, кто вовремя догадался унести ноги...

– Там погиб мой друг, зайчонок Длинноног...

– Возможно, он успел убежать, – помолчав, не очень уверенно сказал ёж, – пока собаки дрались с медведем...

Зайчонок хотел сказать, что Длиннонога поймали гораздо раньше, чем появился медведь, но не смог, а только заплакал. Теперь он остался совсем один в чужом и страшном Ужаснолесье, да ещё возле самой Чёрной Крепости...

Глотнув воды из протянутой ёжиком тыквы, Трусишка спросил:

– А в Крепости разве всё ещё кто-то живёт?

– После того, как Братство разбежалось, здесь остался жить медведь Толстун. Ты не из этого леса?

Трусишка, всхлипнув, кивнул.

– Я тоже только вчера прибыл в этот лес. Меня зовут Колючая Голова.

– А меня – Трусишка.

Ёж бережно убрал пустую тыкву в котомку и закинул её на плечо.

– Идём, Трусишка.

Выходить было страшно, но оставаться здесь одному было ещё страшнее. Ёж первым вышел из пещеры. За ним, стараясь не отставать даже на шаг, поспешил зайчонок. Снаружи в ноздри сразу же ударил такой сильный запах свежей крови, что у Трусишки закружилась голова, и его вырвало.

Он чуть не упал, но почувствовал, что ёжик схватил его под руки и повёл подальше от места драки. Через десяток шагов в голове наконец прояснилось, и Трусишка смог идти самостоятельно.

Они осторожно спустились к реке и направились, скрываясь в прибрежных зарослях, вверх по течению. Ёж шагал степенно и постоянно головой по сторонам не крутил, как заяц. Сначала Трусишка держался как можно ближе к своему спутнику, даже пару раз укололся об его колючки. Когда Крепость скрылась за деревьями, у зайчонка отлегло от сердца.

Глава 3. Хозяин

Барсук поднялся, по обыкновению, очень рано. Привычно пошарив в кромешной тьме подземелья, он высек кремнём искру и зажёл плошку с растопленным жиром. Свет озарил маленькую каморку барсука, вырытую на одном из самых нижних уровней многоярусной норы. Лежанкой ему служила ниша в стене, убранный сухой травой и облезлой заячьей шкурой, а столом – насыпь из глинистой почвы рядом.

Барсук подпоясал свою холщовую тунику верёвкой и нацепил на плечо торбу, висевшую на стене у стола, затем, встав на цыпочки, он снял с натянутых под потолком верёвок свой завтрак: высушенного жука и обрубков коренья. Корешок он очистил от жёсткой кожуры, а у жука выдрал надкрылья. Сначала барсук аккуратно убрал образовавшийся мусор в котомку и только после, усевшись, приступил к трапезе. Он с удовольствием умял хрустящее насекомое с сочным корешком и запил водой из чашки на столе.

Поправив торбу и взяв в руки плошку, барсук вышел из каморки и тщательно прикрыл за собой дверь. В просторное подземелье с высоким сводом, в котором он оказался, выходили ещё пять туннелей. Первый проход, самый широкий, вёл налево вверх, к жилым норам и главному выходу. Следующий проход вёл прямо, к кладовым. Третий проход вёл направо вниз, на самый нижний уровень – к сточным туннелям. Четвёртый, самый узкий, вёл направо и был ещё вырыт не до конца. Пятый вёл назад, к одному из чёрных ходов.

Освещая себе дорогу, барсук неторопливо направился во второй туннель. Тишину подземелья нарушали только его шаги да потрескивание горящего жира. Кладовые, где хранятся запасы, – сердце любого жилища, и барсук особенно любил это место. Взяв из специальной ниши в стене плетёную корзину для съестных припасов, он двинулся дальше.

Пляшущий от ходьбы огонёк в плошке озарил первую складскую дверь. За ней находилось хранилище для засушенных трав, зерна, орехов и грибов. Сейчас, правда, в самом начале лета, оно почти пустовало. За второй дверью хранились всякие коренья, клубни и сушёные жуки. Облизнувшись, барсук прошёл дальше и остановился только у третьего склада.

Открыв дверь, он ступил внутрь. В ноздри сразу же ударил крепкий запах, а плошка осветила развешанные на деревянных крючьях куски копчёного и вяленого мяса. Перепела, глухари, зайчатина, оленина – всего и не перечислить. Обойдя отрез короткого бревна с выемкой для рубки мяса в середине комнаты, барсук неторопливо прошёлся вдоль стен и выбрал копчёного дрозда, которого положил в корзину.

Выйдя и закрыв за собой дверь, барсук облегчённо вдохнул приятный запах подземелья. Он не ел мяса и недолюбливал его тяжёлый аромат. Углубляться глубже в складской туннель барсук не предполагал: он уже взял то, за чем пришёл. Однако его внимание вдруг привлекло какое-то светлое пятно на полу подземелья. Барсук всегда сам следил за чистотой в норе, и никакого мусора здесь быть не могло.

Барсук шагнул в ту сторону и наклонился, чтобы рассмотреть поближе. находка оказалась клоком светло-серой шерсти. Чьей-то посторонней шерсти. Барсук нахмурился: Хозяину это не понравится. Он взял клочок в руку и принюхался. Никакого чужого запаха, что весьма странно. Но шерсть определённо ни его и не Хозяина.

Озадаченный барсук убрал таинственную находку в торбу и, подняв светильник повыше, двинулся в глубь кладового туннеля. От четвёртой двери тянуло холодом – за ней, в комнате, полной снега, хранилось свежее мясо. Хозяин ловил только отменную добычу. Правда, в последний раз он притащил зачем-то старого рябчика. Сам он вряд ли станет есть такое жёсткое мясо. Впрочем, Хозяину виднее.

Барсук прошёл мимо и оказался в самом конце прохода, где свет упал на пятую дверь. Там располагался самый большой отнорок в этом туннеле: барсук сам вырыл его ещё весной

по наказу Хозяина. Но с тех пор Хозяин строго-настрога запретил ему даже подходить к этой двери, и барсук не знал, что там внутри.

Барсук постоял немного, прислушиваясь. Он всегда так делал, когда ему доводилось доходить сюда. Порой ему слышались за запретной дверью шорохи, а один раз даже тихие стоны. Как будто там был кто-то живой... Там могло быть всё, что угодно, но только не кладовая.

В этот раз всё было тихо. Однако ощущение непонятого беспокойства не покидало барсука. Потоптавшись, он уже собирался уходить, как вдруг с ужасом заметил, что таинственная дверь чуть приоткрыта. Он боялся не столько того, что было за дверью, сколько наказания. Ведь Хозяин мог подумать, что это он открыл дверь, к которой запрещено даже прикасаться!

Барсук, потянувшись, толкнул дверь корзиной, которую держал в руках, и отступил назад. Вздохнув, он резко развернулся и, чуть было не погасив светильник, зашагал обратно по складскому туннелю. В голову лезли всякие мысли об открытой двери и клочке шерсти, но барсук упрямо гнал их прочь. Эдак можно и завтрак подать с опозданием!

Выбравшись из хранилища, барсук свернул в проход, ведущий наверх, и только здесь, поднимаясь по ступеням из камней, сумел уредить шаг. Поднявшись по лестнице, он открыл дверь и оказался в широком и высоком главном туннеле с выровненными стенами, деревянными подпорками и вымощенным камнями полом. Здесь располагались с левой стороны кухня и дровник, а с правой – гостиная и хозяйская спальня.

Барсук сразу же направился на кухню, которая представляла собой большой квадратный отнорок, устроенный с таким удобством, какого ещё не доводилось видеть у кого бы то ни было. Почти все нововведения придумал сам Хозяин – уж ума-то ему не занимать.

В стенных нишах, служивших полками, выстроена всяческая посуда из обожжённой глины. На деревянных крючьях висели сушёные травы и специи для готовки. Вдоль правой стены лежала на насыпи большая дубовая колода с выемкой с верхней стороны для резки и разделки.

В стене, противоположной двери, был выложен из камней большой очаг со специальным местом для большого глиняного котла. Главное достоинство очага состояло в том, что специально для дыма был прорыт вверх узкий тоннель – дымоход. Снаружи он был достроен трубой из камней, чтобы его не засыпало грязью и снегом. В нише рядом с очагом располагалась небольшая стопка дров. У левой стены лежало ещё одна колода, служившая столом, и стояла бочка с водой, выдолбленная из цельного куска дерева.

Взяв тарелку и чашку с водой, барсук добавил всё это в корзину и отправился в гостиную. Когти на ногах неприятно скребли по камням. Барсук не любил вымощенные полы, однако Хозяин предпочитал именно такие. Осторожно открыв дверь, барсук тихо, почти крадучись, ступил в просторную комнату. Возможно, Хозяин ещё не успел вернуться с ночной охоты, но шуметь всё равно не стоило.

Стены гостиной были сплошь задрапированы самыми красивыми шкурами многочисленных животных – добычей Хозяина. В центре комнаты возвышался стол из половины бревна на двух валунах, рядом располагалась покрытая шкурой изогнутая коряга, служившая креслом.

Барсук поставил на стол тарелку с копчёным дроздом, чашу с водой, затем зажёл от огонька своей площадки две жировые свечи в глиняных подсвечниках, стоявших на столе. Критично оглядев результаты своих трудов и оставшись вполне довольным, он потушил свой светильник и повернулся к двери, ведущей из гостиной в спальню.

– Кушать подано, Хозяин, – негромко объявил он и прислушался.

Из соседней комнаты послышался шорох: значит, Хозяин на месте. Барсук дождался, когда откроется дверь из спальни, и поприветствовал с поклоном своего единственного друга:

– Доброе утро, Хозяин.

– Привет, Подтира, – с достоинством ответил тот, неторопливо входя в гостиную.

Хозяин, лис огненно-рыжего окраса, в новом пятнистом плаще и холщовой тунике с кожаным поясом, не мог не вызывать восхищения как своей внешностью, так и талантами. Слава об его уме и хитрости ходила по всему лесу, наводя ужас на всю мелкую живность. Одежду ему только на днях справил барсук из шкур оленят – последней крупной добычи, которой лис очень гордился. Барсуку ещё не доводилось слышать, что какой-нибудь другой лис (кроме Чернобура, разумеется) смог поймать оленя. Барсук очень гордился своим другом.

Хищник уселся в кресло, и барсук спросил:

– Какие будут указания на сегодня, Хозяин?

Лис любил, когда его называли Хозяином, и барсук старался как можно чаще обращаться к своему другу таким образом, чтобы тому было приятно. Лис достал из-за пояса костяной нож и, ловко орудуя им, принялся разделявать копчёного дрозда. Барсук терпеливо ждал.

– Сегодня наконец-то должен подойти Белый. – Хозяин взял в руки птичью ножку и вонзил в неё зубы. С видимым наслаждением разжевывая кусок, он продолжил. – В нору его ни в коем случае не пускать! Этот старый бродяга сразу же натаскает сюда грязи и опустошит все кладовые. Конечно же, он будет всю попросайничать, но, что бы он ни просил, выноси ему только кувшин с водой.

Всё это барсук и так прекрасно знал. Волк уже приходил по просьбе лиса осенью, чтобы сколотить и поставить крепкую входную дверь.

– Ясно, Хозяин. Что готовить сегодня на обед?

Лис, с набитым ртом, яростно помотал головой.

– Никакого обеда! – разжевывая мясо, пояснил он. – Нужно создать впечатление, что у нас туговато с едой.

– Хорошо, Хозяин, – кивнул с понимающим видом барсук.

Волк, учуяв съестное, наверняка напросится на обед.

– Думаю, с работой он управится дня за два, – продолжил лис, махнув копчёным крылышком в воздухе. – Ты, Подтира, пророешь проход до конца только после его ухода. Не раньше!

– Хорошо, Хозяин.

Лис закинул в рот косточку и с хрустом разгрыз её.

– У меня тут появилась одна задумка. Чтобы позвать тебя, придется орать на всю нору, и мне это не очень нравится.

– Да, Хозяин. – Барсук отлично знал, где нужно поддакивать.

– От гостиной к твоей комнате нужно протянуть верёвку и привязать к её концу колотушку. Стоит мне потянуть за конец верёвки, как поднимется шум, и ты поймёшь, что я тебя зову.

Барсук поразился, насколько простой и замечательный механизм придумал лис.

– Отличная идея, Хозяин! – искренне воскликнул он.

– Подумай, как лучше протянуть верёвку между комнатами, – лис довольно улыбнулся и, заканчивая завтрак, облизнул пальцы. – Как завершишь работы над загоном, возьмёшься за сигнальную верёвку.

– Хорошо, Хозяин! – ответил барсук, а сам в уме уже планировал, как быстрее и удобнее выполнить новое задание.

Лис поднялся из-за стола и потянулся.

– Я буду внизу, – сказал он и, захватив один из подсвечников, вышел из гостиной.

Это означало, что Хозяин направлялся в ту самую таинственную комнату возле кладовых. Барсук зажёл свою плошку с жиром и потушил оставшуюся свечу. Сложив грязную посуду со стола в корзину, обглоданные косточки – в торбу, он затем прошёл в спальню. Спальня хищника, задрапированная шкурами так же, как и гостиная, была вдвое меньше и гораздо уютнее. Светильник осветил у одной стены обширную лежанку, крытую разнообразными шкурами, а у другой – небольшой очаг, который барсук растапливал зимой в сильные морозы.

Барсук забрал с бревна, служившего столиком, чашку с водой и отправился на кухню. По устоявшейся привычке ему предстояло перемыть посуду и подмести нору... Хозяин, внезапно выскочивший из туннеля, ведущего на нижний уровень, изрядно напугал барсука.

– Ты что-нибудь видел этим утром, Подтира? – с ходу набросился на него лис.

– Нет, Хозяин. – Барсук даже не понял, о чём речь, и стоял, прижав к груди корзину.

– Посвети мне, – приказал лис и сунул ему в руки подсвечник.

Барсук, бросив плошку, которую еле успел потушить, и корзину прямо на пол норы, поспешил вслед за Хозяином. Запоздало пришла мысль об открытой запретной двери. Лис спустился на уровень ниже и начал пядь за пядью осматривать центральное подземелье, как будто что-то ища. Барсук, шагая рядом с горящей свечой в одной руке, нащупал другой в своей торбе злополучный клочок шерсти. Наверное, стоило рассказать Хозяину про утреннюю находку...

– Может, ты что-нибудь слышал этой ночью?

– Нет, Хозяин. Ночью было всё тихо.

Лис явно очень злился, хотя и старался не подавать виду. Но барсук слишком хорошо знал Хозяина.

Обойдя подземелье три раза, лис наконец двинулся в туннель, ведущий на самый нижний уровень. В этом узком проходе приходилось идти гуськом, и барсук, стараясь осветить дорогу Хозяину, пару раз чуть не подпалил его плащ.

Вскоре послышалось тихое журчание воды, и стены раздались в стороны, образуя небольшой грот нижнего уровня. По каменному ложу протекал подземный ручей. В верхней части жёлоба, в большой чаше, собиралось небольшое озерцо для питьевой воды, а нижняя часть использовалась как отхожее место.

Этот проход барсук вырыл совсем недавно по настоянию лиса, который хотел, чтобы в норе всегда была свежая вода. Удобно, конечно, набирать воду, не выходя из норы, но барсук, оглядывая сырое подземелье с низким сводом, лишь неодобрительно покачал головой. Старая барсучья поговорка гласила: вода в норе всегда к беде. Вода – первый враг подземных обиталищ.

Барсук, нахмурившись, оборвал крамольные мысли про своего друга. Хозяин очень хитёр и умен, и всё, что он придумывал, было безупречно. Если даже до него никто и никогда этого не делал.

Лис обошёл подземелье, старательно приносиваясь.

– Ты что-нибудь чуешь, Подтира?

Барсук, прекрасно зная, что тягаться с таким отличным следопытом, как лис, ему не стоило и пытаться, всё же глубоко втянул влажный воздух.

– Нет, Хозяин, – ничего не учуяв, честно ответил он.

Лис подошёл к отверстию, через которое вода утекала из норы, и долго всматривался внутрь. Барсук шагнул поближе со светильником, но, похоже, ничто не могло разогнать крошечную темноту узкого сточного туннеля.

– Как думаешь, можно выскользнуть из норы через эту дыру?

Барсук постарался скрыть своё удивление. Раньше ни о чём подобном лис не спрашивал...

– Вряд ли, Хозяин.

Шишник, кивнул, словно его ответ совпадал с собственными мыслями.

– Но кто-то очень маленький смог бы пролезть, – подумав, добавил барсук и почувствовал, как лис весь напрягся и помрачнел.

Неужели кто-то умудрился сбежать от самого лиса?! И откуда этот кто-то взялся в норе? Если только не из таинственной комнаты... Прикинув, что не стоит лишний раз злить Хозяина, барсук поспешил поправиться:

– Но живым никто не сможет выбраться наружу, наверняка утонет.

Лис развернулся и зашагал прочь так быстро, что барсук еле догнал его. Хозяин ушёл к себе, наказав немедленно позвать его, если зайвится волк. Барсук же занялся обычными хозяйскими делами. Он помыл посуду, подмёл полы на кухне, выкинул мусор, и, хотя он старался думать только о работе, где-то в глубине сознания затаилась и не желала уходить мысль о таинственном беглеце.

Пока барсук убирался в гостиной, несколько раз выходил лис из своей комнаты и нетерпеливо интересовался, не подошёл ли ещё волк. Было слышно, как хищник нервно ходил из угла в угол: Хозяин не любил ждать. Поскольку приготовление обеда сегодня отменилось, барсук подмёл все нижние коридоры, натаскал воды и спокойно занялся генеральной уборкой на кухне.

Время уже перевалило за полдень, когда нору огласил громогласный ор:

– Рыжий!!!

Уронив от неожиданности глиняную чашу, которую держал в руках, барсук схватил плоску-светильник и помчался в гостиную. Лис уже вышел из спальни, и его растрёпанный вид свидетельствовал, что крик тоже застал его врасплох.

– Кажется, волк наконец-то явился, Хозяин.

– Слышал, – проворчал лис. – Я ждал его достаточно, пусть теперь он подождёт.

Хозяин любил выходить навстречу гостям с неторопливой важностью и преисполненным достоинством.

– Возьми пока...

– Рыжий!!!

Новый крик, громче прежнего, оборвал лиса на полуслове и заставил вздрогнуть обоих, а с потолка посыпалась земля. Похоже, волк орал уже в норе.

– Возьми мешок! – бросил Хозяин и, плюнув на своё достоинство, поторопился к выходу.

Барсук поднял мешок, лежавший у стола, и побежал следом. Они успели вовремя – просунув голову в приоткрытую дверь и набрав воздуха в лёгкие, волк готовился крикнуть ещё раз.

– Здорово, Рыжий! – радостно гаркнул он своим мощным голосом, увидев лиса.

Хозяин и барсук вышли наружу и очутились в зарослях можжевельника, под которыми скрывался главный вход в нору. Огромнейший волк серебристого окраса, прозванный за это Белым Медведем, радостно обнял лиса. Со стороны могло показаться, что лис тоже вполне радушен, однако барсук знал, что тот терпеть не мог любые объятия.

– Что так долго? – еле буркнул Хозяин, зажатый в огромных ручищах волка.

– Да проспал малость!

Лис с улыбкой высвободился из железной хватки своего друга, но только барсук заметил, насколько он раздражён. Барсук вдруг поймал себя на том, что настолько хорошо знает Хозяина, что по малейшему жесту и движению лицевого мускула может прочесть все его чувства и мысли.

– А это кто такой? – спросил вдруг лис.

Волк обернулся, и Барсук за его широкой спиной, за которой висел к тому же большой дорожный мешок, только сейчас разглядел ещё одного гостя – шакала, низкорослого и тщедушного даже для своей породы.

– Это мой подручный, Мелким звать.

– Я вижу, – заметил лис, смерив шакала взглядом. – Покрупнее никого не мог найти?

Волк хохотнул и так хлопнул Хозяина по плечу, что тот согнулся под тяжёлой рукой. Белый Медведь носил холщовую тунику с широким поясом из заячьих шкур и выдавший виды плащ из оленьей шкуры. На шакале была холщовая рубаха, подпоясанная верёвкой, и старенький плащ из непонятно какой шкуры. В руках он держал маленький мешок с пожитками с таким видом, будто тот был набит камнями. Сразу видно, что оба старые бродяги.

– Как поживаешь, дружище? – спросил волк.

– Охота нынче не та, – сделал печальное лицо Хозяин.

– Это да! – тут же согласился волк. – Не то что во времена Братства у лиса Чернобура, а? Вот тогда была охота так охота! Добычу стадами загоняли!

Оба хищника ходили в одной стае под началом знаменитого лиса. Волк с удовольствием рассказывал об этом при каждом удобном случае, однако Хозяин отчего-то вспоминать те времена не особо любил и недовольно морщил нос при каждом упоминании имени Чернобура.

– Ближе к делу, – прервал товарища лис. – Мне тут нужно кое-что построить.

Вход в нору располагался на крутом склоне лесистого холма, изрытого оврагами. Вершину одного из таких оврагов барсук в конце весны по приказу лиса углубил и расширил. Получилась небольшая квадратная площадка, огороженная с трёх сторон отвесными склонами. Туда лис и повёл волка.

Тяжело вздохнув, шакал взвалил на плечо свой мешок и с видом мученика потащился следом. «Неудивительно, что они шли так долго», – подумал барсук и засеменил за шакалом.

Глава 4. Торг

Рыжий Лис в своём пятнистом одеянии из оленьих шкур, конечно, был великолепен. Волк и лис стояли в разрытой вершине оврага, и последний показывал, что и где нужно построить. Мелкий не стал туда спускаться и стоял наверху, рядом с барсуком. Объяснения лиса он слушал вполуха. Всё равно основную работу будет делать волк, вот пусть он и вникает в суть дела.

Мелкий, конечно, уже был наслышан от самого волка про Рыжего Лиса и его подвиги. Шакал и сам был не прочь обхитрить кого-нибудь. Особенно он любил оттачивать своё мастерство на простоватом волке. Правда, если потом обман всплывал наружу, ему попадало от того же волка, а рука у него, надо сказать, тяжёлая...

Любопытно было бы помериться хитростью с этим Рыжим Лисом. Да и сам шакал стал бы более интересным собеседником для лиса, чем простодушный волк, с которым и поговорить-то не о чем. В мечтах шакал даже видел себя и лиса лучшими друзьями... Нужно привлечь к себе внимание лиса каким-нибудь умным заявлением.

– Так протекать же будет! – Возглас волка прервал размышления шакала. – Тогда уж лучше совсем без крыши делать.

– Нужно, чтобы внутрь попадало солнце, и всегда был свежий воздух, – ответил лис.

– И зачем тебе здесь эта странная постройка? – спросил волк.

– Здесь будет загон для зайцев.

Загон для зайцев? Это что-то новенькое! Шакал сделал шаг вперёд и стал возле самого края оврага.

– Зачем? – спросил волк.

– Чтобы не охотиться.

Вот это задумка! Шакал облизнул губы. Ведь эдак можно не носиться больше по лесам и полям, выискивая дичь, а просто сидеть дома и жить припеваючи!

– Как это? – Волк наморщил лоб.

Волк редко соображал с первого раза... Нужно показать лису, что он-то всё понял сразу.

– Отличная идея! – сказал шакал.

От волнения голос сорвался на писк. Но лис будто и не заметил его реплику.

– Буду держать и откармливать в загоне зайцев, чтобы не тратить время на охоту.

– Помнится, ещё у Чернобура был такой замысел, – сощурился глаза, сказал волк.

– Был, – нехотя согласился лис.

Так вот чья это идея! Не такой уж умный этот лис, каким он себя хочет показать. Обернувшись и увидев удивлённый взгляд барсука, шакал понял, что лис и от своего товарища скрыл эту подробность.

– Только Старик потом отказался от этой мысли, – с сомнением покачал головой волк.

– А я решил претворить в жизнь.

– Так сбегут длинноухие-то, – хмыкнул волк.

Срочно надо придумать что-нибудь умное, чтобы привлечь внимание лиса. Но в голову, как назло, ничего не приходило...

– У меня не сбегут!

– По старой волчьей пословице, неубитая добыча всегда сбегает, – сказал шакал и улыбнулся.

– Вот-вот! – поддакнул волк.

Наконец-то лис повернулся в сторону шакала и смерил таким злобным взглядом, что тому стало не по себе.

– Судя по твоему росту, – процедил лис, – от тебя-то добыча ускользает постоянно.

Шакал почувствовал, что улыбка сползла с его лица. Основательно струхнув под грозным взглядом, он съёжился и отступил назад. Он хотел сказать, что это всего лишь пословица, и не он её придумал. Но слова застряли в горле...

Лис повернулся обратно к волку.

– А у нас, у лис, нет такой пословицы, а потому добыча у меня никогда не сбегает.

– Тоже верно! – хохотнул волк и хлопнул лиса по плечу. – Что дашь за эту работу?

Лис от удара скривился и потёр плечо. Шакал осмелился усмехнуться, но только про себя. У волка тяжёлая рука.

– Тёплые штаны, как ты хотел.

– Из заячьих шкурок?!

– Из сусличьих. Где я, по-твоему, взял бы столько зайцев?! Штаны-то на тебя нужны не маленькие.

Рыжий Лис махнул барсуку. Тот, стоявший в стороне, подошёл к лису и отдал мешок, который держал в руках. Лис вытащил оттуда огромные штаны, сшитые из шкурок сусликов, и протянул волку. Тот надел их и с подозрением осмотрел себя. Штаны пришлись в пору, но волк явно колебался, согласиться ему или нет.

– Вот ещё рубаху дам, – хитрый лис, видя сомнения волка, достал из мешка большую рубашку. – Да и мешок можешь забрать.

– Ладно, – решил наконец волк, сгребая всё одной ручищей, – согласен. А какая кормёжка будет?

– Одного тетерева, думаю, хватит, – сухо ответил лис.

Одного тетерева на двоих?! Наглости у лиса прямо через край.

– Одного?! Маловато будет, Рыжий. Вон сколько всего надо сделать...

Лис недовольно сверкнул глазами.

– Да за такую работу и одного тетерева будет много! Тут частокол-то строить длиной всего шагов пять. День работы от силы!

Тут лис явно лукавит.

– Не пять, а десять шагов, – рубанул волк рукой воздух. – Да ещё дырявая крыша. Работы дней на пять.

– Вам дай волю, вы тут до зимы будете торчать на моих харчах! Могу добавить ещё рябчика.

Волк выразительно молчал. Уж что-то, а торговаться он был большой мастер.

– И ещё пару сусликов, – не выдержал лис.

– Лучше зайчатины.

– Да! – снова осмелился подать голос шакал. – За такую работу не помешало бы и зайчатины...

– Я сам уже целую луну зайчатины и в глаза не видел, – резко оборвал Рыжий Лис, даже не взглянув в сторону шакала.

– Согласны и на полтуши, – сказал волк.

– Слушай, Белый, – голос лиса внезапно стал очень вкрадчивым, – ты же где только не бывал. Может, тебе доводилось что-нибудь слышать о Заячьем Свитке?

Мелкий вновь насторожился. Что же это за свиток такой, который разыскивает сам Рыжий Лис?

– О чём? – Волк нахмурил лоб.

– О Заячьем Свитке, который, помнишь, искал ещё лис Чернобур.

Прошло несколько томительных мгновений, прежде чем лицо волка наконец разгладилось. Вспомнил-таки.

– Слышал что-нибудь? – повторил лис.

– Ты что, до сих пор ищешь этот свиток?

– Ищу. Так ты можешь что-нибудь рассказать?

– Не-а, ничего, – мотнул головой волк. – По-моему, длинноухие давно уже потеряли и забыли все эти свои свитки. Один ты про них помнишь...

– Зайцы до сих пор хранят свои свитки, – сказал лис. – Одна сорока мне рассказывала, что у Старого Зайца, который живёт неподалёку, есть какой-то свиток...

– Так это может он и есть!

– Нет, – покачал головой лис, – по словам сороки, на этом пергаменте написаны только сказки, которые старик читает вслух зайчатам. Заячий Свиток существует, – лис понизил голос, – и, рано или поздно, я найду его.

Шакал облизнул губы. Жутко хотелось узнать подробнее, что это за таинственная рукопись, которую искал ещё сам Чернобур. Рыжий Лис ничего зазря делать не будет. Но спрашивать у самого лиса бесполезно. Нужно обязательно поинтересоваться потом у Белого.

– Лучше добавь нам ещё полтуши зайчатины, – сказал волк, которому уже надоел разговор о каких-то там свитках.

– Белый, сам ведь знаешь, охота уже не та, – усмехнулся лис с самодовольным видом.

Похоже, больше ничего у этого хитреца уже выторговать.

– Но оленина-то у тебя есть, – заявил волк, кивая на обновки лиса.

– Эти оленины мне попались совершенно случайно. – Рыжий с гордостью оглядел свою пятнистую одежду. – И это едва не стоило мне жизни! Олени во главе с вожаком налетели всем стадом и чуть не достали меня из норы, разрыв почти до основания один из чёрных ходов.

Любопытно было бы узнать, каким образом лис умудрился поймать этих самых оленят. Да только он сам ведь об этом не расскажет.

– Гм... – волк наморщил лоб. – Олени такие дела просто так не оставляют и могут в любой момент заявиться сюда снова.

Вот так Белый! Шакал с удовольствием наблюдал, как с лиса сходит довольное выражение лица. Но открыто улыбаться он всё-таки побоялся.

– Вы-то с полосатым спрячетесь в норе, а нам с Мелким как прикажешь быть? Так можно и под горячую руку попасть. Придётся повысить плату, Рыжий.

Даже барсук рот открыл от того, как ловко волк, этот известный тугодум, повернул рассказ лиса в свою пользу! Стало быть, не такой уж лис и хитрый, каким хочет казаться.

– Я и так дал больше положенного! – Лис уже не скрывал своего раздражения.

– Стадо разъярённых оленей, брат лис, это не шутка.

Рыжий Лис некоторое время молчал. Он явно не рассчитывал на такой поворот событий и теперь злился. Шакал потупился, чтобы скрыть улыбку.

– Только ради старой дружбы даю ещё одного тетерева, – с мрачной решимостью наконец процедил лис. И прибавил: – О большем даже не заикайся: слишком жирно будет.

Волк и шакал переглянулись.

– Ладно, согласен.

Волк и лис скрепили уговор рукопожатием. Волк, как обычно, крепко сжал протянутую руку, и шакал с удовольствием наблюдал, как лис скривил лицо от слишком крепкой хватки волка.

Лис торопливо высвободил свою руку и скорым шагом направился в сторону норы. Барсук поспешил за ним.

– Плату как всегда вперёд! – крикнул вдогонку волк.

– Знаю, – не оборачиваясь, пробурчал Рыжий Лис.

Он пробормотал что-то ещё себе под нос, но этого шакал уже не расслышал.

– Мелкий, – сказал волк, – начинай собирать хворост.

– Хитрый этот твой друг, – проворчал шакал.

Теперь, после ухода Рыжего Лиса, можно было говорить спокойно.

– Это верно.

– И жадный. Зайчатины пожалел. Даже для тебя – своего старого друга.

Шакал знал, что, продолжая таким образом, точно договорится до затрещины, но остановиться не мог. Он не любил долго молчать, и теперь ему нужно было выговориться за вынужденное молчание в присутствии лиса.

– Хватит ныть, – сказал волк, чертя что-то палкой в овраге на месте будущего строительства.

– Сам, наверное, каждый день зайчатину лопаает, а для нас полтуши пожалел.

– Принимайся за работу, если не хочешь остаться без обеда!

Шакал прикусил язык и принялся собирать хворост. Перед обедом с волком лучше не шутить, а то и в самом деле можно остаться голодным.

Вскоре среди зарослей показались возвращающиеся лис и барсук. Барсук тащил на спине тяжёлый мешок. Волк сразу же бросил палку и, потирая руки, поднялся с оврага. Мелкий с охапкой хвороста в руках тоже подобрался поближе. Барсук опустил на землю мешок, и Рыжий оттуда вытащил двумя руками первого тетерева.

– Знатная добыча! – одобрительно крикнул волк, одной рукой без всякого труда поднимая тяжёлую птицу и перекладывая на свою сторону.

Лис вытащил второго тетерева, который был почти вдвое меньше предыдущего.

– А этот что такой тощий?! – возмутился волк.

– Это последний тетерев. Я не рассчитывал, что придётся и его тоже отдавать. Ты же, Белый, сам его выторговал.

– А, ну да... – волк покорно забрал второго тетерева.

Лис вытащил из мешка рябчика и тушки двух сусликов. Барсук тут же поднял опустевший мешок и сложил его. Волк сразу сгрёб тушки грызунов, а последнюю птицу с подозрением обнюхал и осмотрел.

– Странный какой-то рябчик, – заметил он.

– Рябчик как рябчик, – пожал плечами лис.

– На пададь смахивает.

– Поймал собственными руками.

Шакал со своего места не мог разглядеть птицу, но целиком полагался на мнение товарища. Вот ведь какой хитрец этот лис! Вроде обо всём уже уговорено, а он всё равно нашёл, где обмануть.

– Уж у тебя, Рыжий, на всё готов ответ.

Лис промолчал.

– Ладно, сгодится, – согласился наконец волк.

– Тогда начинайте работать.

– Как отобедаем – сразу примемся за дело!

Лис хмуро кивнул и, развернувшись, зашагал обратно. Барсук засеменил следом.

– Мелкий, – зычно скомандовал волк, – тащи хворост!

Шакалу не пришлось повторять дважды. Отличная привычка всё-таки у волка: любое дело начинать, только хорошенько подкрепившись. Волк уже готовил место для костра возле вершины оврага. Шакал сложил рядом хворост и, вытащив из мешка волка большой горшок из обожжённой глины, спустился к ручью, который журчал у подножья холма.

Когда он с водой тяжело взобрался обратно, костёр уже горел, а волк перебирал тушки, выбирая, что бы приготовить сегодня. Наконец, он поднял рябчика.

– Давай-ка сначала сварим эту птицу.

Шакал поставил горшок с водой на камни, нарочно выложенные в середине костра, и уселся ощипывать рябчика. Волк же с удовлетворением разлёгся рядом в своих новых шта-

нах. Основная работа по стряпне приходилась на долю шакала, но тут уж ничего не поделаешь. Иначе можно и зуботычину схлопотать, а то и вовсе без обеда остаться.

– Не могу поверить, – осторожно начал шакал, – что сам Рыжий Лис при всей своей хитрости сидит без зайчатины. В норе-то у него наверняка должны быть припрятаны запасы.

Волк промолчал. Задумался, значит. Нужно просто немного подождать, пока он наконец сообразит. Шакал продолжил оципывать рябчика. Птица и в самом деле была несколько странная.

– Этот рябчик чем-то пропах что ли в кладовых Рыжего, – шакал ещё раз принюхался.

Волк, приподнявшись на локте, тоже втянул ноздрями воздух.

– Клянусь своим хвостом, – воскликнул он, – это запах зайчатины!

Шакал некоторое время принюхивался. Он не был таким матерым следопытом, как волк. Иногда ему казалось, что запах действительно заячий, а иногда – вообще непонятно чей. Но вслух он всё же решительно заявил:

– И в самом деле, запах зайчатины.

Шакал ожидал, что волк рассердится, однако тот всего лишь хохотнул и вновь растянулся на траве.

– Ловко Рыжий нас обдурил. Вот ведь хитрец!

Мелкий смахнул с лица пух и, вздохнув, продолжил работать. Волк был недалёкого ума, и все его мысли читались на его простодушном лице. Однако, порой он умудрялся ставить в тупик своими выводами. Его обманули, а он только рассмеялся. Надо хотя бы воспользоваться его хорошим настроением.

– Слушай, а что это за свиток, который разыскивает Рыжий?

Волк пошевелил пальцами ног.

– Чернобур говорил, что, прочитав этот свиток, можно легко поймать любого, даже самого хитрого зайца.

Вон оно что! От такой рукописи не отказался бы и сам шакал. Ведь тогда можно стать самым лучшим охотником на зайцев. И каждый день есть только одну зайчатину. Шакал облизнулся.

– А ты был когда-нибудь в норе у Рыжего Лиса?

– Не-а.

Странно, конечно, для закадычного друга. Интересно было бы посмотреть, что есть у лиса в норе. Наверняка ведь не только кладовые – лис хитёр, да и барсуки знают толк в рытье подземных жилищ.

– Почему? Вы же с Рыжим друзья.

– Он не любит чужих запахов в своей норе.

– А откуда у Рыжего барсук в товарищах?

– Не знаю, – Белый пожал плечами. – Рыжий, он ведь, кого хочешь может обхитрить.

Да уж, тут без хитрости определённо не обошлось. Ещё не приходилось слышать, чтобы барсук становился товарищем какого-нибудь хищника.

– Вон и енотов как-то уговорил штаны для меня сшить, – продолжал волк. – Я сам сколько раз подходил к этим енотам – всё без толку, ни в какую не соглашались.

Штаны, в самом деле, были знатные. Хоть и из шкурок сусликов. Не зря волк все уши прожужжал про свою будущую обновку. Сейчас, конечно, такие тёплые штаны ни к чему, но зимой очень даже понадобятся.

– А в Братстве самым хитрым после Чернобура был Рыжий Лис?

– Не, – мотнул головой волк, – он тогда был ещё слишком молод. Самыми хитрыми после Чернобура были Проныра и Хмыль.

– Хмыль? – переспросил шакал, чтобы убедиться, что правильно расслышал имя.

– Ага. Он всё время ходил и ухмылялся. Гадкий был лис, мы с ним частенько ссорились.

Шакал наконец закончил ощипывать птицу и закинул её вариться в горшок. Теперь оставалось только смотреть за огнём и ждать, пока приготовится рябчик. Волк уже всю похрюпывал. Шакал собрал немного хвороста и, усевшись возле костра, тоже задремал под мерное бульканье кипящего бульона. Уж больно много они отшагали сегодня утром по пути к Рыжему Лису...

Шакал так поднаторел в стряпне, что даже сквозь дрему не забывал своевременно помешивать бульон и подкидывать веток в костёр. Когда рябчик приготовился, шакал снял горшок с костра и разбудил волка. Вдвоём они пообедали, хлебная суп деревянными ложками. Рябчика волк разделил на две неравные части и больший кусок, конечно же, взял себе.

Мясо оказалось жёстким, как древесина: птица явно была старая. Хорошенького же рябчика подкинул им лис. А если ещё вспомнить второго тетерева... Шакала вдруг осенило.

– Рыжий нас надул, – с трудом проглотив прожёванный кусочек мяса, сказал Мелкий. – Он с самого начала рассчитывал подсунуть нам тощего тетерева.

– Так первый тетерев-то хороший, – возразил волк, на удивление проворно разгрызая свою часть рябчика.

– Рыжий не собирался его отдавать, он нас обманул.

– Что-то ты мудришь, Мелкий, – нахмурился волк, не отрываясь от рябчика. – Я не понимаю.

Шакал открыл было рот, чтобы объяснить ещё раз, но передумал и вонзил зубы в деревянное мясо. Волк не любил, когда его пытались убедить в чем-то, чего он не понимал. Мог и поколотить за это. Хватит и того, что сам шакал раскусил обман. Только теперь он осознал всю степень хитрости Рыжего Лиса. Даже стыдно вспомнить, что он намеревался помериться хитростью с этим лисом.

После обеда началось то, чего шакал не любил больше всего.

– За работу! – гаркнул волк.

И сам же первый вскочил с места. Чтобы не схлопотать подзатыльник, шакалу тоже пришлось подняться и поспешить за волком. Белый выбрал несколько деревьев, подходящие для частокола, велел шакалу обмазать стволы грязью на высоте своего колена, а сам начал собирать дрова.

Шакал спустился с опустевшим горшком к ручью, набрал грязи и поплёлся обратно. Он не любил работать, да и волк всегда давал ему самые неприятные поручения. Главное – показать рвение и старательность в самом начале. А потом, когда волк увлечётся работой, можно будет уже не работать, а просто суетиться рядышком. Шакал уже хорошо изучил повадки своего товарища.

Шакал обмазал грязью стволы помеченных деревьев, а волк разжёл вокруг каждого из них небольшой костёр. Теперь оставалось только смотреть, чтобы огонь и не потух, но и не разгорался слишком сильно. Эту работу всё равно выполнял волк, поэтому шакалу достаточно было просто прогуливаться среди деревьев и изредка с озабоченным видом ворошить дрова в кострах.

Когда нижняя часть нескольких деревьев порядком выгорела, волк свалил их по очереди крепкой сучковатой палкой и перетасил к оврагу, где ещё тлел обеденный костёр. Он каменным топором обрубил мелкие ветки и сложил поваленные деревья в ряд. Под деревьями он разжёл костры в нескольких местах таким образом, чтобы разделить огнём длинные стволы на брёвна и отжечь крупные сучья.

Шакал суетился рядом с товарищем, чтобы создавалось впечатление, будто он помогает. Волк разошёлся вовсю, и теперь главное – не путаться у него под ногами. Шакал пребывал в прекрасном расположении духа. Настроение немного портила только мысль о том, что позже ему придётся отмывать горшок от грязи...

Глава 5. Беглец

За последние дни Кролик сильно устал. В лесу царила самая настоящая паника. Ужасные слухи, один страшнее другого, будоражили обитателей. Что Рыжий Лис, решив стать новым Ужасным Лисом, начал собирать новую шайку под своим началом. Что волк и шакал из Братства самого Ужасного Лиса уже прибыли в лес. Что со дня на день ожидается появление медведя, а чуть позже – и прочих волков, шакалов, росомх и лисов...

Конечно, Кролик догадывался, что большая часть слухов – сплошные выдумки, однако отделить правду от вымысла не мог, как ни старался. Все в лесу беспрестанно бегали и суетились, и всякое здравомыслие улетучивалось без остатка. Очень не хватало спокойной рассудительности Старого Зайца, но было стыдно даже показаться на глаза бывшему учителю.

Кролик пробовал допытываться у других зайцев, бывавших на Заячьем Выхолмье, о том, что же говорил Старый Заяц о появлении в лесу волка и шакала. Однако никто ничего вразумительного сказать не мог. Некоторые вообще крутили пальцами у виска, намекая, что старик совсем выжил из ума.

Страх, в очередной раз, заменил зайцам благоразумие. Но, даже зная это, бороться со страхом было ой как непросто. Сам Кролик тоже держался из последних сил, когда на него, бредущего по лесу, налетел Длинноухий, мчавшийся не разбирая дороги.

– В лес пришёл медведь! – надсадно прошептал он, страшно вращая глазами, и скрылся в кустах.

Не в силах совладать собой, Кролик тоже кинулся наутёк. Памятуя советы Старца, он понимал, что так бездумно бежать нельзя... Однако продолжал мчаться сломя голову. Ещё чуть-чуть и Кролик сумел бы остановиться, но на свою беду он столкнулся нос к носу с Куцехвостом.

– Ты слышал? – крепко схватив Кролика за грудки, страшным шёпотом зашипел он. – Ты слышал это?!

Кролик посмотрел в глаза товарища, полные ужаса, и уже не смог отвести взгляд. Не в силах вымолвить ни слова, он лишь кивнул в ответ, даже не зная, о чём речь. Панический страх Куцехвоста помимо воли проник внутрь и мгновенно расширился, вытесняя все прочие мысли и чувства.

Куцехвост, не отпуская его, говорил что-то ещё, но зайчонок уже ничего не понимал и хотел только одного – бежать. Наконец Кролику удалось вырваться, и он кинулся прочь...

Он мчался, не разбирая дороги, падал, поднимался и снова бежал... Ветки стегали его по лицу, он спотыкался, но остановиться было выше его сил. Трудно сказать, сколько он бежал, но остановился он только тогда, когда свалился совершенно обессиленный.

Когда Кролик очнулся, было уже далеко за полдень. Упав под куст, он то ли лишился чувств, то ли забылся сном. Попытавшись сесть, он тихонько охнул: болело всё тело.

– Слушай, Белый, – раздался невдалеке чей-то пискливый голос, – А может нам и для себя такой же загон соорудить?

Кролик затаился и вжался обратно в прошлогодние листья, усыпавшие землю.

– Нам-то он зачем? – усмехнулись в ответ.

Второй голос был низкий и хриловатый, какой может быть только у крупного зверя. И, скорее всего, у хищника.

– Чтобы не тратить время на охоту! – пропищал первый. – Не зря же Рыжий ухватился за эту идею.

Рыжий?! Рыжий Лис?! Неужели...

– Рыжий, конечно, большой умник, – хмыкнул второй, – но перед Чернобуром он, что передо мной желторотый птенец. Чернобур сам не одобрял эту идею, и я не одобряю.

– Но почему?

– Неубитая добыча всегда сбегает. Мелкий, давай работать!

Кролик осторожно выглянул из-за листвы кустов и обмер. На склоне холма, чуть ниже того места, где он прятался, в овраге что-то жгли волк и шакал. Волк был огромного роста, его серая шкура отливала серебристым цветом. Зайчонок сразу догадался, что это знаменитый Белый со своим товарищем из Братства Ужасного Лиса.

Проглотив крик, Кролик снова прижался к земле и зажмурился. Добегался... Сам прискакал прямо в руки хищников! Да ещё и ветер дул прямо от него: дым от костров уносило в противоположную сторону. А где-то рядом, наверное, бродили лис с медведем... Некоторое время зайчонок лежал, не шевелясь. Даже стук собственного сердца казался ему слишком громким. Он ждал, что сейчас его схватят. Перед глазами всё стоял образ огромного серого волка...

Однако хищники, как ни в чём не бывало, продолжали заниматься своими делами. Прошло довольно много времени. Кролик не знал, что и думать. Хотя хищники его и не видели в густых зарослях, но определённо чуяли – это было понятно из их разговоров.

Зайчонок не оставалось ничего другого, как наблюдать из-под кустов за работой волка и шакала. Хищники огнём валили деревья и подтаскивали их к большому костру у оврага. Здесь с помощью того же огня и каменного топора, они удаляли сучья и крону. Получившиеся брёвна они складывали неподалёку.

А где же медведь? Ему-то гораздо сподручнее таскать тяжёлые брёвна. Чтобы размять затёкшие члены, зайчонок наконец осмелился переменить позу. Может попробовать тихонько уйти отсюда? А то, чего доброго, ещё и лис с медведем нагрянут... Кролик долго не мог решиться, пока не отлежал себе все бока.

Солнце уже клонилось к закату, когда зайчонок, поправив лямки своего заплечного мешка, со всеми предосторожностями медленно пополз в сторону. Ни одна сухая веточка не должна хрустнуть, ни один опавший лист не должен шелохнуться. Иначе – он погиб! Сначала он поднимался по лесистому склону, но вскоре подлесок стал редеть, и, чтобы не оказаться на открытом месте, пришлось продолжить путь вдоль склона и даже немного спуститься вниз. Сделав такой крюк, Кролик оказался почти на том же расстоянии от волка и шакала, что и был в самом начале.

Неожиданно с другой стороны холма словно из ниоткуда возник Рыжий Лис. Если бы зайчонок решил уходить через другую сторону холма, то натолкнулся бы прямо на рыжего хищника! Кролик припал к земле и замер, не сводя глаз с хищников. Этот хитрый охотник уж точно учует и схватит его!

– Слушай, Рыжий! – увидев спустившегося в овраг лиса, гаркнул Белый. – Здесь определённо пахнет зайчатиной.

Лис потянул воздух носом. Кролик затаил дыхание.

– Добыча возле логова не водится, – хмыкнув, резко ответил Рыжий.

– Значится, заячий дух из твоей норы идёт.

– Тебе уже мерещится, Белый.

– Как это мерещится?! – возмутился волк. – Правда же, Мелкий?

Лис бросил на шакала такой уничтожающий взгляд, что Кролик даже вздрогнул.

– В самом деле, пахнет зайчатиной – кашлянув, сказал Мелкий.

– Ты поймал много зайцев в своей жизни? – поинтересовался лис.

– Ну-у... – неожиданно смутившись, промямлил шакал, – пока ещё ни одного...

– А ты, я вижу, большой мастер по охоте на зайцев, – продолжал с насмешкой лис. –

В чужих кладовых, наверное, всегда легче искать добычу?

Шакал ничего не ответил.

– Но я-то опытный охотник! – рубанул рукой воздух волк.

– Белый, дружище, – мягко перебил лис, беря его под руку и разворачивая от шакала, – в твоих способностях я нисколько не сомневаюсь. Ты хочешь зайчатины, вот она тебе и мерещится везде, даже возле моей норы. Ты-то, в отличие от всяких зелёных юнцов, знаешь, как это бывало.

– Нет, ну всякое бывало, конечно...

– Вот я о том же и говорю. Ну-ка, показывай, что вы тут наработали.

О медведе пока ни слова. Даже зародилось подозрение, что вести про медведя были всего лишь обычными слухами, выдуманными кем-то от страха.

Лис подошёл к стопке брёвен и придирчиво осмотрел каждый ствол.

– Не сомневайся, Рыжий, частокол будет что надо! – волк похлопал по брёвнам.

Лис удовлетворённо кивнул.

– Можно бы и кормёжки добавить за такую работу.

– Рад бы, Белый, да не могу. И так все запасы пришлось отдать, чтобы с тобой рассчитаться. Дома хоть шаром покати!

– Подходи после заката, Рыжий. Посидим у костра, вспомним прошлые времена.

– Я бы с удовольствием, но сегодня ночью нужно идти на охоту.

– Ночная охота двух дневных стоит, – понимающе кивнул волк.

– Вот-вот. До завтра, Белый.

– До завтра!

Лис поднялся на противоположную бровку оврага и, вдруг приняв себя, обернулся. У Кролика ёкнуло сердце. Ему показалось, что хищник устремил взгляд прямо на него, разглядев среди зарослей. Однако, чуть помедлив, лис повернулся и ушёл своей дорогой, а у Кролика в голове неожиданно всплыли слова хищника: добыча возле логова не водится.

И ведь, в самом деле, какому зайцу или иному мелкому зверю придёт в голову по доброй воле подойти так близко к логову хищника! Неужели все так привыкли к очевидному? От такого открытия даже страх отступил на второй план. Знает ли об этом Старый Заяц? Если удастся выбраться отсюда живым, нужно непременно навестить старика!

Волк с шакалом углубились в работу, и Кролик, убедившись, что хищники всецело поглощены своими делами, пополз по зарослям дальше. Продвигаясь вдоль склона, теперь он удалялся от злополучного оврага и с каждым шагом чувствовал себя всё смелее и увереннее.

Наконец, хищники скрылись за горбом склона холма, и Кролик, вздохнув с облегчением, привстал. Теперь можно идти гораздо быстрее. Завернув несколько петель, чтобы запутать следы, он осторожно зашагал вниз по склону, в самую чащу зарослей.

В кустах он чуть не наступил на лежащего ничком зайчонка, которого еле заметил в последний момент. Сначала Кролику показалось, что зайчонок мёртв. Но перевернув незнакомца на спину, заметил, что тот ещё дышит и весь дрожит. Сквозь многочисленные прорехи в рубахе проглядывало грязное и страшно измождённое тело, с клочками висевшей шерстью и многочисленными ссадинами. На шее болтался обрывок верёвки. Откуда здесь, у самого логова Рыжего Лиса, взялся зайчонок?

Чтобы привести зайчонка в чувство, Кролик тихонько потряс его и потёр ему щёки. Незнакомец еле слышно застонал, но глаза так и не открыл. Кролик вытащил из своего мешка бутылочную тыкву, но она оказалась пуста. Нужно достать воды. Кролик огляделся. Чем ниже он спускался, тем влажнее становилось. Наверняка там, в низине, протекает ручей.

Кролик оставил зайчонка и спустился по склону. Густые заросли не обманули, и в ложбинке между холмами обнаружился ручеек. Кролик чашкой из обожжённой глины набрал в тыкву воды и поспешил обратно.

Он брызнул немного воды незнакомцу на лицо и влил несколько капель в рот. Зайчонок закашлялся, приоткрыл глаза и, увидев Кролика, слабо улыбнулся.

– Как тебя зовут? – шёпотом спросил Кролик, помня о том, что недалеко хищники.

Голос незнакомца был так слаб, что Кролику пришлось наклониться к самому лицу зайчонка, чтобы расслышать ответ.

– Попрыгун? – переспросил Кролик.

Зайчонок чуть заметно кивнул и снова улыбнулся. Имя было знакомо, однако припомнить зайчонка Кролик не смог.

– А я Кролик. Идти сможешь?

Попрыгун еле качнул головой, но Кролик, убирая чашку и тыкву обратно в мешок, и сам запоздало понял очевидность ответа. Эх, его бы сейчас к всеведущему Старому Зайцу... Приподняв и подхватив бедолагу подмышками, Кролик осторожно, чтобы излишне не шуметь, потащил его вниз по склону в самую гущу зарослей. Ноша оказалась гораздо легче, чем он предполагал. Протащив зайчонка несколько шагов, Кролик заметил, что тот пытается что-то сказать. Кролик остановился и склонил голову над лицом Попрыгуна.

– Солнце, – шёпот был едва различим.

– Солнце? – переспросил озадаченный Кролик.

Зайчонок с улыбкой кивнул.

– Солнце... – задумчиво повторил Кролик, оглядываясь вокруг. – А! Ты хочешь на солнце?

Попрыгун снова кивнул.

– Мы сначала спустимся в ложбинку, а потом поднимемся по другой стороне.

Зайчонок чуть качнул головой из стороны в сторону и своим тихим шёпотом повторил просьбу. Кролик с сомнением огляделся. Конечно, за то время, пока они спустятся вниз, а потом поднимутся на другой холм, солнце уже успеет зайти. Но подняться обратно означало опять приблизиться к лагерю хищников, чего уже очень не хотелось.

– Ты знаешь, что тут совсем рядом нора Рыжего Лиса?

Зайчонок кивнул. Кролик оторопел. Как же он здесь оказался, раз знал, что неподалёку логово хищника? Посмотрев ещё раз на умоляющие глаза дрожащего Попрыгуна, Кролик решился и потащил зайчонка обратно, вверх по склону. Подниматься оказалось тяжелее, и Кролик совсем выбился из сил, пока доволлок Попрыгуна до более открытого места, куда ещё падали лучи заходящего солнца. Старательно уложив зайчонка, Кролик огляделся. Ещё бы чуть-чуть – и открылся бы вид на лагерь хищников. «Хорошо, что хоть ветер переменялся».

Зайчонок же жмурился от яркого света и довольно улыбался, хотя дрожать меньше и не стал. Кролик, набрав под ближайшим кустом сухих листьев, укутал беднягу и шёпотом задал вопрос, интересующий его с самого начала:

– Как же ты здесь оказался?

Попрыгун попытался ответить, но голос его был настолько слаб и каждое слово давалось с таким трудом, что Кролик почти ничего не мог понять. Поняв тщетность своих попыток, обессиленный зайчонок замолк.

– Ты наверное есть хочешь! – осенило вдруг Кролика.

Как это он сразу об этом не подумал! Кролик бросился вниз по склону и нарвал свежей травы и молодых побегов с кустов. Попрыгун попробовал пожевать несколько травинок, но ничего не получилось. Оказалось, что у него почти не осталось зубов. Что же с ним такое случилось?! Невольно вспомнились слова Старого Зайца: у кого есть силы, чтобы кушать, есть надежда на исцеление. Нужно непременно накормить найдёныша!

– Тебе нужна варёная еда, – сказал он зайчонку. – Но чтобы разжечь костёр, нам придётся отойти отсюда подальше, потому что здесь совсем рядом хищники.

– Солнце... – одними губами жалостно повторил Попрыгун.

– Хорошо, мы здесь останемся, пока солнце совсем не скроется.

Зайчонок благодарно улыбнулся и закрыл глаза. Под тёплыми лучами он постепенно перестал дрожать и лишь изредка вздрагивал. Кролику же покоя не давала мысль о том, как бы

их не заметили хищники. Не удержавшись, он снял заплечный мешок, прополз чуть выше по склону и заглянул через гребень холма.

Шакал всю хлопотал возле костра, кажется, что-то варил в большом горшке. Волк стоял у первых трёх вкопанных в землю брёвен и чесал затылок.

– Для этого сквалыги сойдёт и так! – сказал шакал, видимо, продолжая разговор.

– Так заметно ж будет – Рыжий углядит.

– А ты это бревно глубоко не вкапывай.

– Тогда шататься будет.

– Зато Рыжий не заметит.

Волк, схватившись двумя руками, подтянул вверх самое короткое в частоколе бревно, а затем пошатал его из стороны в сторону.

– Ладно, сойдёт, – решил волк.

Кролик осторожно вернулся обратно. Попрыгун неподвижно лежал с блаженной улыбкой на лице. Если бы не дрожь, иногда сотрясающая зайчонка, можно было подумать, что тот мёртв. Кролик попробовал развязать верёвку на шее Попрыгуна, но узел оказался затянут слишком крепко. Солнце медленно катилось к закату и, наконец, блеснув лучами в последний раз, скрылось за деревьями.

Попрыгун это заметил и открыл глаза.

– Солнце... – еле слышно прошептал он.

– Крепись, – Кролик погладил беднягу по плечу, – теперь придётся потерпеть до утра.

Закинув мешок за спину и подхватив зайчонка подмышками, он поволок его вниз по склону. Вначале тащить тощего найдёныша было легко, но чем ниже они спускались, тем гуще делались заросли, и тем труднее становилось продираться сквозь них. Вдобавок Попрыгун начал стонать от боли, и Кролик запоздало догадался, что, наверное, у него что-то сломано. Перейдя ручеёк, журчащий в низине, Кролик понял, что у него попросту не хватит сил, чтобы подняться с ношей на второй холм.

Уже смеркалось, и Кролик, взглянув на бедного дрожащего Попрыгуна, решил устроить ночлег прямо здесь, несмотря на то что совсем близко располагались хищники. «А ведь я даже не запутал следов», – мелькнуло в голове, но, чтобы не струсить и не убежать, зайчонок быстро отогнал подобные мысли.

Скинув заплечный мешок, внезапно ставший таким тяжёлым, Кролик оттащил Попрыгуна от ручья на десяток шагов выше по склону и устроил больному подстилку из сухих листьев под раскидистой ивой. После некоторых сомнений он набрал хворосту и разжёл рядом небольшой костёр. У хищников по ту сторону холма тлеет столько пней от поваленных деревьев, что дым от этого костра они вряд ли заметят.

Кролик вытащил из своего дорожного мешка глиняную плошку и, набрав воды, поставил её на огонь. Пока совсем не стемнело, он торопливо прошёлся вокруг и набрал листьев и кореньев, которые положил в чашку вариться. Кое-какие лечебные травы Кролик уже знал от Старого Зайца, но сам вылечить настолько ослабевшего зайчонка в одиночку, конечно же, не мог.

Дотащить Попрыгуна до Заячьего Выхола нечего и думать: слишком далеко. Но зато можно самому сбегать утром к Старому Зайцу за снадобьями. От тепла костра Попрыгун перестал дрожать и дремал, расплывшись в блаженной улыбке. Только иногда он, сильно вздрогнув, открывал глаза, но потом снова засыпал.

Наступила ночь. На небе высыпали звёзды, взошла луна. Кролик сидел тихо, стараясь не беспокоить зайчонка, и лишь изредка подкладывал в костёр сухих веток или помешивал деревянной ложкой содержимое плошки. Иногда над головой раздавалось разочарованное уханье какого-нибудь филина, раздосадованного тем, что зайчата надёжно укрылись под ветвями ивы и к ним никак не подлететь.

Когда варево приготовилось, стояла уже глубокая ночь, но Кролик, всё же разбудив Попрыгуна, покормил его. Зайчонок сумел проглотить всего пару ложек получившегося бульона, но в его состоянии и это уже было неплохо. Покушав, Попрыгун снова забылся беспокойным сном.

Кролик тщательно потушил костёр, чтобы он не привлекал излишнее внимание, и тоже попытался заснуть, однако, посмотрев на освещённое лунным светом лицо Попрыгуна, внезапно решил не дожидаться утра. Наверняка шататься по ночному лесу не опаснее, чем разбивать лагерь возле самого логова хищников. В конце концов, все так привыкли к очевидному, что никто не ждёт от простого зайчонка каких-то ночных походов.

Кролик поднялся, подыскал себе палку, чтобы отгонять пернатых охотников, и закинул дорожный мешок за спину. Услышав его приготовления, Попрыгун открыл глаза. Наверное, подумал, что хочу слинять. Кролик подошёл к зайчонку.

– Я вернусь.

Попрыгун помотал головой.

– Не надо... Я уже не жилец, – сумел разобрать Кролик, наклонившись к больному. – Здесь опасно...

Он пытался сказать что-то ещё, но силы оставили его.

– Я вернусь, – повторил Кролик.

Прихватив палку, Кролик отправился в путь с твёрдым намерением добраться до Заячьего Всхолмья. Идти по ночному лесу оказалось гораздо страшнее, чем он предполагал. Неясные тени в листве деревьев и зарослях кустов будили самые потаённые страхи. Только мысль о том, что Попрыгуну некому помочь кроме него, не дала повернуть обратно.

Однако, со временем он пообвык и вполне освоился с ночным путешествием. Таинственные тени оказались большей частью всего лишь причудливой игрой лунного света в ветвях, меньшей частью – ночными обитателями леса, такими же пугливыми, как и сам зайчонок.

Несколько раз Кролик чуть не сбился с пути, хотя лес знал хорошо. Хорошо хоть светила луна, а то в полной темноте немудрено было и заблудиться... Добравшись до лощины, что под Заячьим Всхолмьем, уже порядочно уставший Кролик разглядел среди деревьев далёкий огонёк от костра Старого Зайца. На душе сразу потеплело, и зайчонок ускориł шаги.

Подъём на холм отнял последние силы. Старик мирно дремал, сидя у своего костра, но сразу же встрепенулся и открыл глаза, едва Кролик, тяжело дыша, ступил внутрь жилища. Сейчас придётся многое объяснить, и разговор, зная неторопливую манеру старика, может затянуться...

– Что случилось, сынок? – неожиданно сразу же спросил мудрец.

– Я нашёл Попрыгуна...

– Попрыгуна?

– Он совсем плох... – Кролик опустил на циновку, чтобы немного передохнуть. – Как я тогда... Ему нужно целебное снадобье...

– Помнится, – пожевав губами, сказал Старый Заяц, – две луны назад этого зайчонка никак не могли найти его друзья...

Вопреки ожиданиям старик не стал больше ни о чём спрашивать, а вскочил с места и, быстро пройдясь по жилищу, вытащил небольшой мешочек сушёных трав и маленькую выдолбленную тыкву с мазью.

– Ты сам знаешь, что нужно делать, сынок.

Кролик кивнул и, устало поднявшись, убрал снадобья в свой мешок.

– Мне нужно идти.

Возле выхода он обернулся. Старик стоял спиной к костру, и зайчонок не мог видеть его лица.

– Я обязательно вернусь, дедушка.

Старый Заяц кивнул, и Кролик отправился в обратный путь. Хорошо, что учитель на него не сердится! Впервые за столько дней, Кролик почувствовал себя умиротворённым, несмотря на ожидающие его впереди заботы.

Как зайчонок не торопился, добраться до места сумел лишь к утру, когда уже рассвело. Попрыгун лежал на прежнем месте и весь дрожал вместе с листьями, которыми был укутан. При виде Кролика он улыбнулся и попытался что-то сказать. Пришлось наклониться к самому лицу, чтобы расслышать.

– Зачем вернулся... Я же говорил... Здесь опасно...

«Один раз я уже смалодушничал и ушёл», – подумал Кролик.

– Я принёс снадобья от Старого Зайца, – сказал он вслух и дружески похлопал Попрыгуна по плечу.

После бессонной ночи сильно тянуло ко сну, но Кролик, собрав последние силы, разжёл костёр и, пока готовился отвар, нанёс целебную мазь на многочисленные царапины и ссадины зайчонка. От тепла костра и горячего отвара Попрыгун согрелся и наконец-таки перестал дрожать. Ему, кажется, даже стало лучше. Хотелось расспросить, как он здесь оказался. Но присев рядом с Попрыгуном, Кролик почувствовал, что бороться со сном нет никаких сил...

Когда он проснулся, день уже близился к полудню. Кролик напоил больного отваром ещё раз и, взглянув на дым в небе, поднимающийся с другой стороны холма, сказал:

– Нужно уходить отсюда.

– Уходи один... Я всё равно... не жилец... Тебе не спасти меня...

Произнося эту жуткие слова, Попрыгун оставался совершенно спокойным. Будто речь шла вовсе не об его жизни. Кролик невольно оглядел измождённого и ослабевшего зайчонка и отвёл глаза. Мириться с такой правдой не хотелось.

– Я не оставлю тебя умирать здесь одного, – твёрдо сказал Кролик.

– Я не боюсь смерти... Есть вещи... гораздо... гораздо страшнее смерти...

Те же слова, что говорил старый мудрец... Что же пережил этот зайчонок?

– Расскажи, что с тобой случилось.

Делая постоянные паузы из-за слабости, Попрыгун начал свой рассказ. Кролик слушал, затаив дыхание. Однажды ночью Попрыгуна поймал Рыжий Лис. Хищник, вопреки ожиданиям, не стал его убивать, а притащил в свою нору, где привязал к деревянной колоде и даже дал воды и травы. Но зайчонок от страха не мог ни есть, ни пить. Он не притронулся к еде, даже когда лис ушёл, оставив его в темноте.

Через некоторое время, вероятно, уже следующей ночью, хищник приволок в подземелье и привязал ещё двоих зайчат: Кроткого и Болтуна. От страха они ничего не соображали, но Попрыгун, как старожил, помог им прийти в себя.

Зайчата сидели, привязанные втроём к колоде, в кромешной темноте. Они терялись в догадках, для чего их здесь держит Рыжий Лис. Иногда, наверное, один или два раза в день в темницу заходил Рыжий Лис, приносил травы и воды. Пока он никого не трогал, но его улыбка при каждом посещении вызывала у зайчат ужас.

Неизвестно, сколько прошло времени. Пленники потеряли счёт дням во мраке подземелья. Хоть лис и приносил еду, зайчата ели мало и худели и чахли прямо на глазах. У них начали шататься и выпадать зубы. Но первым слёг Кроткий. Лис теперь больше не улыбался. Попрыгун всё чаще замечал хмурое и озабоченное лицо хищника при свете свечи, которую тот всегда приносил с собой. Товарищи старались выходить Кроткого, но вскоре тому стало совсем худо. Лис отвязал больного от колоды и унёс. Больше Кроткого зайчата не видели.

Сразу после этого заболел Болтун. В одно из своих посещений Рыжий Лис заметил это и силком заставил Болтуна съесть принесённую еду. Тот под угрозами исправно всё проглотил, однако, как только довольный собой лис скрылся за дверью, зайчонок тут же вырвало.

До следующего прихода хищника Болтун уже не дожид. Попрыгун внезапно понял, что его ждёт та же участь.

– Как будто это не было ясно с самого начала, – сказал, усмехнувшись, Попрыгун и закашлялся.

Кролик дал попить отвара зайчонку, и тот, отдышавшись, продолжил свой рассказ. Приходилось наклоняться к самому лицу больного, чтобы расслышать его слабый шёпот.

После двух смертей Рыжий Лис стал ужасно раздражительным и при каждом случае норовил дать тумака. Он тщательно следил, чтобы Попрыгун прямо при нём доедал всю принесённую пищу. Но есть траву расшатавшимися зубами становилось всё труднее. Его стало вырывать от не разжёванной пищи. Попрыгун уже чувствовал, что конец близок. Смерть не страшила, он ждал её как избавления.

– Я только хотел увидеть в последний раз солнце, – улыбнулся Попрыгун.

Однажды лис очень торопился и, уходя, забыл запереть за собой дверь темницы, потому что зайчонок не услышал привычный шум засова. Такой возможностью нельзя было не воспользоваться! Попрыгун сам удивился, откуда у него взялись силы. Он наполовину перетёр об колоду, наполовину перегрыз, потеряв часть зубов, верёвку, которой был привязан.

Выбравшись из темницы, он в полной темноте на ощупь двинулся дальше по туннелю. Он не имел ни малейшего представления, как выбраться из подземелья, но упрямо шёл вперёд. Внезапно впереди мелькнул отблеск света, и Попрыгун, подавшись в сторону, юркнул в какой-то боковой проход.

Держась за стенки туннеля, зайчонок продвигался дальше. Эта часть норы была уже: вытянув руки в стороны, Попрыгун дотягивался до обеих стенок прохода. Послышалось журчание воды, и вскоре Попрыгун ступил ногой в холод водного потока. Покрутившись, он понял, что добрался до тупика.

Куда теперь идти? Блуждая в этом подземном лабиринте в кромешной тьме, можно запросто угодить обратно в руки Рыжему Лису. Лучше смерть. Внезапно Попрыгуна осенило. Вода! Наружу может вывести вода. И Попрыгун, решившись, набрал в лёгкие побольше воздуха и бросился в ручей. Поток завертел и понёс со страшной силой, бросая на подземные скалы...

Очнулся зайчонок уже снаружи, на берегу ручья. Стояла ночь, но после подземелья она показалась такой ясной и светлой! Попрыгун, весь дрожа, пополз вверх по склону подальше от воды. Всё тело ломало от боли, но он был на свободе и упорно полз вперёд.

– Перед смертью я только хотел увидеть солнце, – закончил Попрыгун.

Кролик напоил отваром зайчонка, и тот, совершенно обессиленный после долгого рассказа, забылся тревожным сном. Несмотря на усталость, зайчонок вроде выглядел немного лучше. Неплохо было бы, конечно, уйти подальше из этих мест, но тревожить и так пострадавшего Попрыгуна Кролик не решился. Зачем, интересно, Рыжий Лис держал этих зайчат у себя в норе? Что же он задумал? Ведь волк с шакалом тоже что-то возводят по приказу лиса...

Кролик разжёт костёр, чтобы приготовить новый отвар, а сам поднялся наверх, чтобы ещё раз взглянуть на хищников, вернее, на то, что ими строилось. Кролик усмехнулся. Ещё несколько дней назад он ни за что бы не решился взглянуть на хищников. Прав Старый Заяц: страх не так велик, когда видишь всё своими глазами.

Костров с той стороны холма горело уже не так много: волк с шакалом закончили заготавливать брёвна. Теперь хищники вкапывали брёвна у края выровненного плато в вершине оврага таким образом, что с трёх сторон площадка упиралась в склоны оврага, а с четвёртой стороны – в частокол.

Что же это за постройка? Догадаться просто так было непосильно для Кролика. Возможно, Старый Заяц сумеет разгадать замысел Рыжего Лиса...

Когда Кролик спустился обратно в лощину, вода в плошке уже закипела. Сделав отвар и потушив костёр, он разбудил Попрыгуна. Больной сделал через силу несколько глотков и улыбнулся, чтобы приободрить Кролика.

– Я хочу видеть солнце, – откинувшись на лежанку, прошептал Попрыгун.

Кролик сначала обработал мазью раны Попрыгуна, а затем налегке потащил его вверх по склону, делая частые остановки, чтобы отдохнуть самому и дать перевести дух больному. Вот так, по чуть-чуть можно перетащить Попрыгуна подальше от норы Рыжего Лиса. Пока он в силах пить отвар, есть надежда...

Добравшись до вершины холма, Кролик у края небольшой лужайки поудобнее уложил Попрыгуна, и тот, закрыв глаза, блаженно улыбнулся под солнечными лучами.

– Спасибо... – прошептал Попрыгун.

Кролик принёс с прежнего места оставшиеся вещи и расположился рядом. Попрыгун весь день спал, наслаждался солнцем и больше уже не дрожал. Изредка Кролик давал больному снадобье из трав. Хотя Попрыгун делал только глоток-другой, да и то с видимым усилием, это было неплохо.

Ночью зарядил ливень. Кролик перенёс больного под дерево, как можно лучше укрыл и укутал. Но из-за ветра, постоянного дувшего здесь, на вершине холма, оба зайчонка быстро промокли насквозь и замёрзли. Кролик пробовал разжечь костёр, но из этой затеи ничего не получилось.

Только к утру тучи разошлись, и дождь прекратился. Попрыгун сильно дрожал и начал бредить, шепча что-то несвязное. Едва рассвело, Кролик бросился искать сухой хворост. Но ни костёр, ни горячий отвар не помогли привести Попрыгуна в чувство. Нужно бы сбегать к Старому Зайцу за советом и травами, но как оставить больного одного на целый день?

Кролик решил не сдаваться. Он всё утро и весь день жёг костёр, несмотря на то что уже взошло солнце, и поил отваром Попрыгуна. Лишь после полудня зайчонок наконец открыл глаза. Увидев перед собой Кролика с плошкой в руках, Попрыгун улыбнулся.

– Ты ещё здесь?.. Я же говорил... я не жилец...

– Вот увидишь, всё будет хорошо. – Из-за усталости вышло не слишком убедительно.

– Я не знаю... зачем нас держал в своей норе Рыжий Лис, – слова тяжело давались ослабленному Попрыгуну. – Но он задумал... что-то ужасное...

А ведь ещё есть волк и шакал, про которых Кролик не стал ничего говорить Попрыгуну!

– Я хочу, чтобы... ты рассказал всё Старцу... Он наверняка догадается...

– Я сегодня как раз к нему собираюсь.

Попрыгун чуть заметно кивнул и закрыл глаза.

– Расскажи Старцу, – прошептал он ещё раз.

Ободрённый тем, что больной наконец-то очнулся, Кролик кинулся готовить ещё отвара. Немного остудив снадобье, снятое с костра, Кролик присел рядом с Попрыгуном... и выронил плошку. Всё было кончено. На глаза навернулись слёзы. Он вдруг вспомнил, что однажды видел этого зайчонка до его исчезновения. Попрыгун любил прыгать и не мог и мгновения усидеть на одном месте.

Кролик не знал, сколько времени он сидел и плакал. В себя Кролик пришёл от боли в ноге. Долго не мог понять, что случилось с ногой. Кажется, ошпарил горячим отваром, когда обронил плошку. Кролик встал и только тогда осознал, насколько устал.

В памяти всплыли слова Старого Зайца. Природа устроена так, что зайцам должно убежать. Но ведь это не всегда помогает... Хорошо бы найти какое-нибудь укромное местечко для последнего пристанища Попрыгуна. Кролик огляделся. Хотя нет, Попрыгуну больше понравилось бы здесь, на самой вершине холма, где просторно и светит солнце.

Кролик палкой вырыл небольшую яму, дно которой выложил листьями. Осторожно опустил туда тело друга. Могилу он закапывал сквозь слёзы. Сверху Кролик сложил небольшую

горку из камней. Земля была ещё влажная после дождя, и зайчонок весь перепачкался. Наспех вытерев руки, он присел возле могилы.

Уже вечерело. Не хотелось ничего делать, только лечь и заснуть. Вспомнились последние слова друга. Завтра обязательно надо пойти к Старцу. Нужно многое рассказать, многое спросить. Да ещё не мешало бы глянуть, что там понастроили волк с шакалом для Рыжего Лиса.

Мысли путались, глаза слипались... Зайчонок чувствовал, что засыпает прямо здесь, возле могилы Попрыгуна...

Глава 6. Зайчатник

Когда барсук зашёл в гостиную, свечи уже были зажжены, а Рыжий Лис сидел в своём кресле в прекрасном расположении духа и что-то напевал себе под нос.

– Доброе утро, Хозяин, – немного удивлённо поздоровался барсук. – Что-то ты сегодня рано поднялся.

– Ночная охота двух дневных стоит, – весело отозвался лис.

Барсук разложил завтрак на столе и деликатно отошёл на несколько шагов. Хозяин с завидным аппетитом тотчас же принялся уплетать копчёное мясо.

– Охота была удачная?

– О да!

– Прикажешь освежевать добычу?

Барсук не любил этого делать, но это входило в его обязанности. Только иногда, очень редко, Хозяин сам свеживал пойманную добычу, если, как он сам говаривал, она того стоила.

– Пока не нужно, – хохотнул лис.

Что же это за добыча?

– Какие будут указания по поводу обеда, Хозяин?

– Приготовь-ка сегодня что-нибудь эдакое. – Лис задумчиво прочертил в воздухе круг копчёным птичьим окорочком. – Жареную оленину.

– Будет исполнено, Хозяин.

Лис быстро умял ножку и вдруг спросил:

– Как думаешь, Подтира, может, мне семью завести?

Вопрос совсем сбил барсука с толку, и он, всегда готовый поддакнуть, даже не нашёлся, что ответить. Иногда Хозяин любил разоткровенничаться.

– Правда, придётся немного расширить нору, – продолжал Рыжий. – Нужна будет детская комната для будущих лисят. И отдельные покои для меня, где я мог бы работать, поскольку дети всегда создают много шума.

– Как скажешь, Хозяин, – отошёл от ступора барсук.

– Я слышал, у Речных Холмов поселилась молодая красивая лисица. Возможно, она согласилась бы на мои ухаживания.

– Несомненно, Хозяин!

– Если только, – лицо Рыжего нахмурилось, – она не прослышала о моём слабоумном брате Недолисе. К сожалению, из-за него дурная слава о моей семье распространилась далеко за пределы нашего леса.

– Даже будучи слабоумным, ваш брат всё равно оставался хищником, я думаю, – заметил барсук, вспоминая тугодумного волка Белого.

– Увы! Сколько мой отец не старался, Недолис так и не научился охотиться. За свою недолгую жизнь, а умер он ещё лисёнком, он не поймал даже мухи. Питался он, ты не поверишь, всякими кореньями и травами. Совсем как заяц. Даже вспоминать стыдно.

Барсук тактично молчал. Хозяин от наплывших воспоминаний погрустнел, впрочем, ненадолго.

– Но ничего, – сжевав очередной кусок мяса, лис вновь заулыбался. – За это лето я стану так знаменит, что все забудут не только про Недолиса, но и про самого Чернобура. Сегодня я поймал и посадил в зайчатник первого зайчонка.

Так вот какую добычу принесла ночная охота.

– А скоро зайчат станет столько, что мне даже придётся нанять помощников!

– Помощников?! – удивлённый возглас вырвался у барсука помимо его воли.

Так вот какие масштабные идеи вынашивал Хозяин! И, глядя на уверенность, сквозившую в каждом слове, в каждом жесте лиса, поневоле верилось: всё так и будет.

– Да, нескольких шакалов, а также барсуков. Старшим над шакалами я поставлю Белого. Главным над барсуками, станешь ты, Подтира. Вот увидишь, Братство Рыжего Лиса переплюнет Братство Чернобура, а Многоручейный Лес нарекут в честь меня Рыжолесьем.

Хозяин бросил изгрызенную кость в тарелку и, встав из-за стола, довольно потянулся.

– Разбуди меня к полудню.

– Слушаюсь, Хозяин.

Лис, зевая, ушёл к себе в спальню, барсук же занялся делами. Сначала, как обычно, он прибрался в верхней части норы, а потом принялся стряпать обед. Заказанное Хозяином блюдо требовало приличного времени и лучше приготовить всё заранее. Барсук разжёг на кухне очаг, набив до отказа дровами. Сбегав в кладовую, он принёс кусок оленины и натёр его специально засушенными для этого травами.

Барсук подождал, пока дрова прогорят до углей, и только потом насадил мясо на вертел и поставил в очаг. На кухне стало невыносимо жарко, приходилось постоянно выходить хотя бы в коридор. Убедившись, что оленина не обугливается, а именно жарится, барсук позволил себе быстренько сгонять вниз, чтобы перекусить самому.

Теперь требовалось лишь время от времени поворачивать вертел, чтобы мясо прожаривалось равномерно. Когда мясо приготовилось, барсук положил его, не разрезая, на большую глиняную тарелку и посыпал сверху свежим зелёным луком, за которым пришлось сбегать наверх. Хозяин любил вкусно кушать.

Барсук понёс блюдо в гостиную, но будить лиса не пришлось. Тот, видимо, уже сам проснулся от запаха жареного мяса, разлетевшегося по норе, поскольку сразу же вышел из своей спальни, едва барсук поставил тарелку на стол. Рыжий Лис уселся и, вытащив свой нож, начал резать мясо.

– Какие ещё будут указания, Хозяин?

– Так, – Рыжий призадумался и даже на некоторое время перестал орудовать ножом. – Пока я обедаю, набери в большой горшок воды, нарви корзину молодых веток осины и отнеси всё это зайчонку. Да смотри, всегда запирай за собой дверь зайчатника!

И лис вгрызся зубами в нежное мясо. Хотя Хозяин на него уже не смотрел, барсук кивнул и, прихватив из кухни свою неизменную корзину, поднялся наверх. Побродив по склону холма, он нарвал зелёных побегов с осин и заодно поймал для себя нескольких жуков, которых бережно спрятал в свою торбу.

Вернувшись в нору, барсук прошёл сначала на кухню и наполнил большой глиняный горшок водой из бочки. Взяв горшок в одну руку, а корзину с плоской-светильником – в другую, барсук потопал на нижний уровень норы.

Отнорок, ведущий из норы напрямиком в зайчатник, барсук закончил рыть только вчера после ухода волка и шакала. Вчера же он поставил дверь. Чтобы открыть дверь, барсуку пришлось поставить корзину и плоску на пол. Нужно непременно сделать здесь для удобства нишу-полку в стене.

Барсук снял поперечную палку, служившую запором, и распахнул дверь. Нора ярко осветилась, а хлынувший воздух погасил ставший уже бесполезным светильник. Барсук, подняв корзину, прошёл в зайчатник и тщательно прикрыл за собой дверь. Сначала он никого не увидел, но, приглядевшись, наконец заметил в дальнем углу, у частокола, съёжившегося зайчонка. Пленник не шевелился, лишь вращал глазами. Увидев барсука, зайчонок испуганно уставился на него.

Барсук подошёл поближе к зайчонку и поставил перед ним корзину и горшок с водой. Зайчонок не сводил глаз с посетителя. Барсук шагнул назад и сказал:

– Это еда и питьё для тебя.

Зайчонок не шевельнулся. Барсук неуверенно потоптался на месте. В конце концов, он сделал всё, что ему велел Хозяин. Барсук повернулся и почти дошёл до дверей, как услышал за спиной тихий шёпот:

– Ты тоже пленник Рыжего Лиса?

Барсук обернулся. От неожиданности вопроса он даже растерялся.

– Почему же сразу пленник... – пробормотал он.

– Ты тоже заперт здесь?

Барсук помотал головой из стороны в сторону.

– Почему же тогда ты не сбегаешь?!

Барсук моргнул. Страшно представить, как рассердится Хозяин, если он вдруг куда-нибудь отлучится без спроса. Он даже никогда и не думал, что можно уйти от Хозяина... Зайчонок выжидающе смотрел на него, но барсук не знал, что ответить.

Затянувшееся молчание прервал скрип открываемой двери. Даже не оборачиваясь, барсук узнал поступь входящего в загон Хозяина. Зайчонок прижался обратно к частоколу, и барсук с некоторым облегчением развернулся к лису.

– Я всё сделал, Хозя...

Барсук ошарашенно замолк. За одну короткую фразу довольное выражение на лице лиса неожиданно сменилось сначала удивлением, а затем яростью. Со страшным рычанием лис бросился вперёд. Барсук испуганно втянул голову в плечи, но лис пронёсся мимо.

Что-то происходило сзади! Барсук оглянулся и не сразу понял, что творится. В частоколе зияла прореха, хотя ещё мгновение назад всё было в полном порядке. Одно из брёвен скособоилось, и в образовавшейся дыре торчал незнакомый зайчонок! И он изо всех сил махал руками пойманному зайчонку. Ещё чуть-чуть – и уже поднявшийся пленник, сообразив, выскочил бы вон, но подскочивший Рыжий Лис успел его схватить. Шея пленника громко хрустнула в руках лиса.

Барсук поднял глаза, но неизвестный за оградой загона уже исчез. Лис, бросив безжизненное тело зайчонка, кинулся к частоколу. Однако дыра оказалась слишком узкой, и Хозяин застрял. Он кое-как вылез обратно и, тяжело дыша, повернулся к барсуку.

Такого разъярённого лица у Хозяина барсуку видеть ещё не доводилось. Ведь того наглеца теперь уже не догнать. Пока выберешься из норы вкруговую, зайчонок будет уже далеко. Но Хозяин и сам прекрасно понимал это, а потому постарался взять себя в руки, чтобы не поддаться порыву и не броситься в бесполезную погоню.

– Я узнал этого зайчонка, – процедил он.

Значит, Хозяин его обязательно найдёт в лесу и поймает. Но как зайчонок смог проломить частокол? Барсук подошёл ближе и поддел плечом скосившееся бревно. Оно легко поддалось и село на место в частоколе. Но едва барсук отпустил бревно, как оно скосилось обратно.

– Это бревно слишком короткое, – сказал барсук.

– И без тебя вижу!

– Храбрый зайчонок, раз осмелился подойти...

Лис резко развернулся и закатил ему оплеуху. В голове зазвенело от удара.

– Принимать работу у этого белого мошенника надо было тщательнее, дубина!

Напоминать о том, что проверкой отстроенного зайчатника занимался как раз-таки сам нетерпеливый Рыжий Лис, сейчас явно не стоило. Если друг вышел из себя, приходится терпеть.

– Виноват, Хозяин, – прижав руку к большой щеке, опустил голову барсук.

– Всё приходится делать самому, – проворчал лис. – Убери добычу в кладовку и найди мне Балаболку. И как можно быстрее!

– Слушаюсь, Хозяин.

Рыжий Лис ушёл с свою комнату. Барсук отнёс в кладовую убитого зайчонка и, выйдя из норы, отправился к Балаболке. Сорока иногда выполняла разнообразные поручения Хозяина за небольшое вознаграждение. Она жила в дупле большой ольхи, росшей на вершине того же холма, где находилась нора лиса. Однако застать сороку дома получалось очень редко.

Подойдя к дереву, барсук постучал по стволу палкой и крикнул:

– Белобока!

Барсук называл её Балаболкой только за глаза. Иначе взбалмошная птица могла обидеться и не пойти к Хозяину. А виноватым за не исполненное поручение, конечно, оказался бы барсук.

Как и ожидалось, сороки дома не было. Чтобы не ждать впустую, барсук занялся поиском поблизости жуков и трав. Добычу он складывал в торбу, которую всегда носил с собой. Исходив всю макушку холма вдоль и поперёк и набрав с дюжину жуков, барсук вернулся к ольхе и сел передохнуть на поваленное дерево. Эдак можно целый день здесь проторчать, а ведь за такое безделье Хозяин по головке не погладит.

– Привет, полосатый! – послышалось сверху с ветвей. – Никак меня ищешь?

Наконец-то! Барсук поднялся.

– Рыжий Лис хочет тебя видеть.

– Ну, Рыжий без меня как без рук, ничего не может сделать!

Барсук не любил пустой болтовни. Ничего не ответив, он зашагал в сторону норы.

– Я слышала, от лиса сегодня добыча сбежала? – продолжала тараторить сорока, перелетая следом с ветки на ветку. – Какой-то зайчонок?

Барсук усмехнулся. Птичья почта работает с поразительной быстротой и зачастую всё переворачивает с ног на голову. Хотя... Нельзя сказать, что тот зайчонок не сбежал, пусть Хозяин его не и ловил.

– Это всё выдумки, – бросил барсук на ходу.

Всю дорогу сорока пыталась выведать, что произошло у Рыжего Лиса, но барсук больше рта не раскрывал до самой норы.

– Подожди здесь, – сказал он возле входа и вошёл внутрь.

– Бирюк! – послышалось вслед от недовольной сороки.

Рыжий Лис сидел за своим столом мрачнее тучи.

– Тебя только за смертью посылать! – проворчал он, вскакивая. – Нашёл сороку?

– Да, Хозяин.

Лис бросился к выходу. Барсук, ожидая указаний, поспешил следом. Возле входной двери лис остановился и наружу уже вышел медленным степенным шагом.

– Я слышала, от тебя сегодня добыча сбежала? – сразу накинулась сорока.

Ни один мускул не дрогнул на лице лиса.

– Белобока! – лишь брезгливо поморщился он. – Когда уже ты перестанешь верить всяким нелепым слухам?

– Мне воробей Драчун сказал, что слышал от сойки...

– Белобока, – мягко перебил лис, – хочешь заполнить мышиную шкурку?

Глаза сороки сразу загорелись, но всё же она заявила:

– Меньше чем на две шкурки я не согласна!

– Жаль, – лис сделал расстроенное лицо, – у меня только одна шкурка...

Было видно, что сорока колеблется. Она явно подозревала, что лис её обманывает. В кладовке и в самом деле валялось несколько старых мышинных шкурок, до того облезлых, что барсук недоумевал, отчего Хозяин их давно не выкинул.

– Придётся, наверное, обратиться к Тонконогой, – лис демонстративно повернулся к барсуку, как бы готовясь дать указание

– Ха! – не выдержала сорока. – Эта бездарная ворона провалит тебе всё поручение! Лучше меня никто не сделает.

Попалась всё-таки на хитрость Хозяина. Барсук отвёл взгляд в сторону, чтобы простодушная Балаболка не заметила его улыбки.

– Значит, ты согласна?

– Так и быть, Рыжий Лис, – махнула крылом сорока. – Согласна. А то совсем пропадёшь с этой вороной...

– Я знал, что на тебя можно положиться, Белобока, – милостиво заметил лис и продолжил уже деловым тоном. – Найди мне зайчонка, который состоит в учениках у Старого Зайца.

– Я его уже давно не видела у Старого Зайца.

– Знаю, – отмахнулся лис. – Найди мне его.

– Так это он от тебя сбежал?! – неожиданно сообразила птица.

В этот раз Хозяин еле сдержался. Это было ясно и по его взгляду, и по его сжавшимся кулакам.

– Да нет же, Белобока, – голос лиса остался ровным. – Никогда такого не было, и никогда такого не будет. Поторопись, если хочешь получить свою шкурку.

Рыжий Лис развернулся и, хлопнув дверью, исчез в норе. Чтобы избежать назойливых вопросов сороки, барсук тоже поспешил за Хозяином. Хотя и там его наверняка не ожидало ничего хорошего. Зря Хозяин обратился к этой глупой птице. Она теперь по всему лесу расстрезвонит, что от Рыжего Лиса сбежал ученик Старого Зайца. Хотя сорока всё равно бы всё разболтала – она известная балаболка... Лучше уж так, чем самому рыскать по всему лесу и искать какого-то там зайчонка.

Барсук зажёл светильник и прошёл в гостиную, где Лис ходил из угла в угол.

– Какие будут указания, Хозяин? – тихо спросил барсук.

Лис остановился и хмуро посмотрел на него.

– Почини частокол и освежай последнюю добычу.

– Хорошо, Хозяин.

Барсук направился к двери.

– Зайчатник подготовь к сегодняшнему вечеру, – слова лиса догнали барсука на пороге комнаты.

– Будет сделано, Хозяин.

Барсук спустился на уровень ниже и сначала зашёл в свою каморку, где нанизал на верёвку всех пойманных за сегодня жуков. Пройдя в зайчатник, барсук некоторое время рассматривал дыру в стене. В памяти всплыла волчья пословица: не убитая добыча всегда сбегает. Барсук проверил на прочность весь частокол. Остальные колья были врыты на совесть.

Барсук вернулся в дыре. Чтобы расшатать это бревно, нужно было знать, что именно оно короткое. Но как это узнал тот смелый зайчонок? Странно было бы предположить, что он пробовал на крепость каждое бревно. Или что он сидел где-то поблизости и наблюдал за волком и шакалом во время их работы...

Загадка. Барсук покачал головой и, поднявшись вверх, подошёл к зайчатнику снаружи. Чтобы закрыть дыру, требовалось новое, более длинное, бревно. Все подходящие деревья близ зайчатника уже были повалены хищниками. Пришлось искать немного поодаль.

Барсук нарочно выбрал дерево выше по склону от зайчатника, чтобы потом легче было тащить бревно под гору. Он обмазал глиной ствол дерева и разжёг вокруг него костёр. Отсюда зайчатник просматривался как на ладони, и барсук увидел Рыжего Лиса, тщательно разглядывающего дыру в стене. Похоже, Хозяина задавал теми же вопросами, что и сам барсук. Вот только наверняка у хитрого лиса уже есть все ответы...

Чтобы Хозяин не подумал, что за ним подглядывают, барсук отвернулся и занялся костром. Вскоре Хозяин скрылся в норе. Барсук спустился к зайчатнику и, пока огонь делал

свою работу, выкопал из частокола злополучное короткое бревно. Подготовив место для нового кола, барсук поднялся обратно.

Когда дерево выгорело достаточно, барсук повалил его рогатиной и разжёл под стволом второй костёр, чтобы отделить ненужную крону. Самым тяжёлым было дотащить бревно до зайчатника. Барсук несколько раз останавливался, чтобы перевести дух.

Уже вечерело. Врыв бревно на место, барсук хорошенько утоптал землю снаружи, а затем прошёл в нору и сделал то же самое изнутри. Закончив, он сделал шаг назад. Крепкий частокол без бреши неожиданно вызывал беспокойство. Стало неудобно. Невольно вспомнились слова зайчонка, и барсук, не удержавшись, оглянулся через плечо: не заперта ли дверь? Дверь была открыта настежь, и барсук помотал головой, чтобы отогнать неприятные мысли. Он не пленник и может уйти, как только захочет. Он здесь ради своего друга.

Глава 7. В бега

В кустах перед самым Заячьим Выхолмьем Кролик наткнулся на троих перепуганных зайчат. Тяжкие мысли, мучившие его всю дорогу, разом вылетели из головы. Некоторое время зайчата испуганно смотрели на Кролика, а он – на них.

– Что случилось? – наконец спросил Кролик.

Зайчата сбивчиво забормотали, перебывая друг друга.

– Здесь волк...

– ...ещё шакал...

– ...были там...

Внутри всё похолодело от недоброго предчувствия.

– Где?!

– Там, – самый худой и самый старший из зайчат – по прозвищу Щепка – махнул в сторону холма.

Кролик осторожно выглянул из зарослей. Отсюда, снизу можно было разглядеть только склон холма и край берёзовой рощи. Самая вершина, где располагалось жилище Старого Зайца, не просматривалась. Ветер, дувший с холма, приносил только запах дыма.

– Хищники всё ещё там?

– Они ушли ещё утром, – ответил другой зайчонок, Весельчак. Сейчас он был сам на себя не похож – грустный, с вытаращенными от страха глазами.

– С тех пор туда кто-нибудь поднимался?

Весельчак помотал головой.

– Задира ногу поранил, – добавил Щепка, – а мы боимся идти туда...

Кролик только сейчас заметил, что у Задиры под рукой, которой он придерживал голень, виднелся лист подорожника с запёкшейся кровью. Кролик снова всмотрелся в берёзы на вершине. Страшно было не то, что на холме побывали хищники. Пугала неизвестность. Что там случилось со Старым Зайцем? Старик уверял, что его жилище под валунами неприступно. Однако, он же сам говорил, что Рыжий Лис без труда проник бы при желании внутрь...

Сзади донёсся шорох. Кролик обернулся. К компании в кустах присоединился ещё один зайчонок, Ловкий. Все они молча смотрели на Кролика. Похоже, теперь все ждали дальнейших действий от него. Как от ученика Старого Зайца.

Кролик выдохнул и решительно потопал вверх по склону. Ступив в берёзовую рощу, он замедлил шаги. Сердце колотилось так, что норовило выпрыгнуть из груди. Роща вся была испещрена следами хищников. Около поваленной берёзы, где любил сидеть Старый Заяц, дымилось большое кострище. Похоже, хищники здесь сидели довольно долго.

Жилище старика находилось всего лишь в десятке шагов, однако преодолеть их было не так-то просто. Ноги будто приросли к земле.

– Дедушка... – тихо позвал Кролик, но голос сорвался.

Сглотнув, зайчонок с усилием сделал пару шагов. На верёвках, натянутых между валунами, как всегда сушились травы. Через щель между валунами показалась костровая яма. Она даже не дымилась: огонь в ней давно погас. Рядом одиноко валялась холщовая торба, с которой Старый Заяц никогда не расставался. Сердце ёкнуло.

Подойдя, Кролик пролез внутрь жилища. На первый взгляд, с тех пор, как зайчонок ушёл отсюда, ничего не изменилось. Только повсюду сильный запах хищников и нет дома самого хозяина. Сами камни сдвинуть не под силу даже медведю, а щели между валунами и в самом деле довольно узкие. Если только какой-нибудь очень хитрый хищник, вроде Рыжего Лиса, не найдёт способа. Или какой-нибудь маленький и тщедушный хищник не втиснется между камнями...

Мелкий! Только этот шакал смог бы пролезть внутрь и схватить старика. Кролик бесильно опустился на землю, и глаза наполнились слезами. Он не успел даже толком поговорить с учителем после своего трусливого ухода. Столько хотелось спросить, столько нужно было узнать, столько рассказать самому...

Старый Заяц не страшился смерти. Он боялся лишь того, что не успеет передать свои знания и что Заячий Свиток попадёт в руки хищников... Свиток! Кролик совсем забыл о нём. Он бросился к тайнику и, достав оттуда свёрток, дрожащими руками развернул его. Заячий Свиток вместе с Исцелительным Свитком были на месте.

Снаружи послышался шум. Смахнув слёзы, Кролик поднял глаза и увидел возле валунов зайчат. Всё-таки они набрались храбрости подняться за ним следом. Они беспрестанно прядали ушами и испуганно оглядывались, но зайти внутрь не решались. Кролик вышел к ним сам.

Немой вопрос в глазах зайчат был понятен без всяких слов.

– Старый Заяц ушёл туда, откуда не возвращаются, – тихо сказал Кролик.

Все зайчата ошарашенно застыли. Весельчак беззвучно заплакал.

Кролик хотел смахнуть слезу, но обнаружил, что всё ещё держит в руке свитки. Зайчонок пару мгновений смотрел на расплывающиеся в глазах буквы. Вот и всё, что осталось от Старца...

– Что же теперь делать? – растерянно пробормотал Щепка.

Хотя он ни к кому не обращался, Кролик чувствовал, что все ждут ответа именно от него. Но Кролик не знал, что сказать, лишь молча убрал в свой мешок оба свитка. Негромко охнул Задира, неловко попытавшийся поправить лист подорожника на ране.

Только сейчас Кролик вспомнил про раненого товарища. Он подошёл к Задиру и, отведя его руку в сторону, глянул на рану.

– Это где тебя так угораздило?

– В Каменистом Овраге свалился.

Лист подорожника уже успел присохнуть к ране.

– Надо промыть.

Кролик вынес из жилища учителя чашку для воды и горшочек с мазью. Набрав воды из ручья, он промыл рану и осторожно отодрал подорожник. Задира, сжав зубы, терпел. Кролик нанёс на рану мазь и завязал ногу платком самого пострадавшего.

– Нужно мазать каждый день. И поменьше ходить в первое время.

– Спасибо...

Но Задиру резко оборвал чей-то громкий голос, раздавшийся откуда-то сверху:

– Вот ведь беда какая приключилась!

Зайчата от неожиданности испуганно вздрогнули, но это оказалась всего лишь сорока Балаболка. Она спорхнула с ветвей на один из многочисленных камней.

– Ты знаешь, что здесь случилось? – спросил Кролик.

Верить сороке, конечно, последнее дело, однако спросить было больше не у кого. Авось удастся отличить правду от вымысла.

– Конечно, знаю! – закатив глаза, воскликнула сорока. – Хоть я сама здесь и не была, но от синицы Невелички и трясогузки Тараторки знаю всё, как будто видела собственными глазами. Волк Белый и шакал Мелкий, проходя ввечеру мимо Заячьего Всхолмья, углядели огонёк костра Старика и завернули на него. Старый Заяц надеялся на свои камни, и они всегда его спасали. Но в этот раз они не устояли против могучего волка.

– Камни вроде стоят на месте, – заметил Кролик.

– А волк поднял один из камней, вот этот вот – ничуть не смутившись, указала сорока крылом на ближайший валун жилища, – и потом обратно поставил. Только утром волк с шакалом покинули Заячье Всхолмье. Вот так и не стало Старого Зайца.

Весельчак всхлипнул, но Кролик и остальные не проронили ни слезинки. Плакать в присутствии сороки почему-то казалось ззорным.

– Кто же теперь будет всех исцелять вместо Старого Зайца? – не унималась Балаболка.

Кролик промолчал. Конечно, он ученик Старого Зайца, а теперь Старый Заяц погиб. Однако, оставаться здесь врачевать он не мог, даже если бы захотел.

– Кролик, кто же ещё! – ответил Задира.

– Теперь ты что ли вместо Старого Зайца будешь всех лечить? – сорока повернулась к Кролику.

– Не знаю.

Говорит правду, да ещё при Балаболке, не хотелось.

– И будешь здесь жить?

– Наверное, – пожал плечами Кролик.

– А ты уже рассказал всем, как сбежал от самого Рыжего Лиса?

Откуда Балаболка так быстро прознала про это? Зайчата потрясённо уставились на Кролика, а Кролик удивлённо и немного сердито воззрился на птицу. Вспоминать о том случае совсем не хотелось. Яростный оскал Рыжего Лиса до сих пор стоял перед глазами. Сорока же вся светилась, довольная от произведённого ею эффекта.

– Рыжий Лис меня не ловил, – буркнул Кролик.

– Ты сбежал от Рыжего Лиса?! – переспросил Щепка.

Кролик нехотя кивнул.

– Расскажи, расскажи! – накинулись на него зайчата, даже раненый Задира подвинулся ближе.

Кролик даже не представлял, как ему отвертеться от неприятного повествования, но тут неожиданно выручила сорока.

– Рыжий Лис поймал Кролика, – сама начала рассказывать сорока, – и посадил в клетку, сделанную из толстенных брёвен.

Кролик, конечно, предполагал, что Балаболка будет привирать.

– Лис меня не ловил, – заметил он.

Но сорока тараторила так быстро и увлечённо, что на слова Кролика никто даже не обратил внимания.

– Волк Белый и шакал Мелкий вот только недавно смастерили эту самую клетку. Но Кролик – вы не поверите! – разломал одно бревно в частоколе и убежал через дыру. Можете себе представить, как сейчас зол Рыжий Лис! Он словно сотня оленей весной, рвёт и мечет! Он клянётся, что не успокоится, пока не поймаёт этого Кролика и не разорвёт на мелкие кусочки!

Кролик и без сороки понимал, какая опасность грозит его жизни. Нажил он себе смертельного врага не по возрасту. Однако сорока заставила его призадуматься: вспомнилось предупреждение Старого Зайца.

– Ты видела Рыжего Лиса? – осторожно спросил Кролик.

– Конечно! – с жаром ответила сорока. – Он сам мне всё и поведал! Ведь я же всё по правде рассказала?

Сомнений не осталось – Балаболку подослал Рыжий Лис.

– Да, – схитрил Кролик, – всё было так, как ты говоришь.

– Во-от! – Сорока, гордо подбоченилась. – А то всякие злые языки уверяют, что я будто бы нещадно вру.

Нужно уходить. Как можно быстрее и как можно дальше.

– А как ты частокол разломал? – спросил Щепка.

– Один из кольев был так плохо вкопан, что повалился даже от моих усилий.

– Некогда мне с вами, не все ещё знают эту удивительную весть. – Сорока взмахнула было крыльями, чтобы взлететь, но вдруг обернулась. – Так ты, значит, вместо Старого Зайца будешь здесь жить?

– Да, – кивнул Кролик. – У Рыжего Лиса не хватит сил передвинуть эти камни и влезть в жилище Старого Зайца.

Дождавшись, когда сорока скрылась из виду, Кролик поднялся и протянул горшочек с мазью Задира. Решение было принято. Поколебавшись несколько мгновений, Кролик решил не рассказывать самого ужасного, чтобы чересчур не напугать зайчат.

– Это всё птичьи вести – сказал он. – Всё было совсем не так. На самом деле, Рыжий Лис поймал и посадил в клетку Быстроногого...

– Быстроногого?! – ахнул Щепка. – Но как Рыжий Лис сумел его поймать? Он же бежит быстрее всех нас...

– Прежде чем бежать, нужно думать.

– Пока будешь раздумывать, тебя уже схватят, – буркнул Щепка.

Кролик вздохнул. Ещё несколько дней назад он и сам в это не верил. Вдруг обрели ясность загадочные некогда слова Старого Зайца: нельзя никого научить, можно только научиться самому. Так что спорить сейчас без толку, да и времени нет.

– Рыжий Лис изловил Быстроногого ночью. Утром, увидев Быстроногого в клетке, я хотел помочь ему сбежать через дыру в частоколе, но не успел. Появился Рыжий Лис и свернул пленнику шею. И теперь я стал смертельным врагом Рыжего Лиса.

Весельчак охнул. Зайчата испуганно переглянулись.

– Но что ты делал возле норы Рыжего Лиса? – удивлённо спросил Щепка.

– Я там оказался случайно, – ответил Кролик.

Потому что мчался куда попало, не думая, добавил он про себя.

– Надо разбежаться, вечером сюда зайвится Рыжий Лис.

– Но ты же говорил, что он не сможет пролезть...

– Рыжий Лис сумеет, – перебил Весельчака Кролик.

Зайчата повскакивали с мест и торопливо попрощались друг с другом. Задира с помощью Щепки направился в одну сторону, Весельчак – в другую, а Ловкий – в третью. Через несколько шагов, Щепка обернулся.

– Когда вернёшься обратно? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Кролик.

Он даже не знал, вернётся ли вообще когда-нибудь. Щепка немного помолчал.

– Ты становишься таким же мудрым, как Старый Заяц.

Кролик грустно улыбнулся, но разубеждать его не стал. Когда зайчата скрылись под холмом, Кролик забрался обратно между валунами и в последний раз окинул взглядом жилище Старца, ставшее для него родным. Сушившиеся травы, циновку на земле, яму для костра. Без хозяина всё выглядело таким заброшенным и сиротливым.

Эх, дедушка, не нужно было тебе зажигать огня по ночам! Опять навернулись слёзы. Не сумел ученик перенять мудрость учителя – струсил. Да только сейчас об этом говорить уже поздно, нужно постараться хотя бы свиток уберечь от рук хищников. Кролик заглянул в мешок, чтобы лишний раз убедиться, что драгоценная рукопись на месте, и закинул его на плечи.

Он уже собрался уходить, как его посетила неожиданная мысль. Чтобы жилище не выглядело пустым, Кролик сложил в уголок пучки сушившихся трав, сняв с верёвок, прикрыл их циновкой и положил рядышком стариковскую торбу. Со стороны казалось, будто кто-то спит, укрывшись циновкой. Авось поможет провести хотя бы Балаболку, если той вздумается повторно проведать Кролика в жилище Старого Зайца.

Кролик замотал голову куском холста, как всегда делал заяц с плешью по имени Кучерявый, и, выйдя вон, быстрыми шагами припустил в сторону, противоположную той, где нахо-

дилась нора Рыжего Лиса. Рыжий Лис наверняка разгадает его хитрости, но прежде ему всё-таки придётся поломать свою голову. Особенно, если он не будет ждать этих самых хитростей от обычного зайчонка.

Куда бы ни направились зайчата, побывавшие на холме, путь самого Кролика лежал гораздо дальше. Ему опасно оставаться не только в Заячьей Роще, но даже и во всём Многолучейном Лесу. В той стороне, куда держал путь Кролик, располагалось Ужасное Лесье. Побывать там, где некогда хозяйничал знаменитый Ужасный Лис со своим Братством, было одновременно и страшно, и интересно. Однако в то, что там нет никаких хищников, Кролик не верил.

Внизу, у опушки, Кролик обернулся и окинул взглядом Заячье Выходье. Когда-нибудь он обязательно вернётся в родной лес. Сейчас он не мог сказать, когда это произойдёт. Но он вернётся, чтобы помериться силой и хитростью с самим Рыжим Лисом.

Кролик зашагал дальше и больше уже не оглядывался.

Глава 8. Добыча

Луна пряталась за облаками, и стояла такая темень, что хоть глаз выколи. Волк с шакалом шли целый день и уже собирались было разбить лагерь, как возле обширных зарослей ракитника волк учуял заячьи следы.

– Клянусь своим хвостом, – сказал волк, – какой-то длинноухий устроился на ночлег в этих кустах.

Волк принялся выслеживать добычу, а уставший шакал потащился следом. Волк долго рыскал по кустам, распутывая заячьи пегли. Мелкий, идя за ним, беспрестанно спотыкался в темноте и наступал на сухие ветки, с хрустом ломавшиеся под ногами, из-за чего волк постоянно оборачивался и сердито шипел на него. Несколько раз они перескакивали в темноте какие-то ручьи, хотя, скорее всего, это был один и тот же ручей.

Наконец, на окраине зарослей, причём, шакал уже не мог сказать, вышли они на другую сторону зарослей или же вернулись обратно, волк снял с плеча свой мешок и знаком подозвал шакала. Похоже, охота складывалась удачно.

– Под тем кустом прячется длинноухий, – зашептал волк, когда шакал подошёл. – Я буду стоять здесь наготове, а ты осторожно зайди с другой стороны. Когда ты вспугнёшь длинноухого, он побежит прямо на меня, и я схвачу его!

Шакал скинул на землю свой заплечный мешок и крадучись направился вкруг к тому кусту, на который ему указывал товарищ. Шакал не понимал, почему заяц, проснувшись, должен бежать именно в эту сторону, однако не сомневался в охотничьих способностях волка.

Поймать второго зайца за вторую ночь было, конечно, очень даже неплохо. Тем более что они до этого уже нескольких лун подряд вообще сидели без зайчатины. Однако большую часть первой добычи волк забрал себе. На правах главного и сильного. И шакал сильно подозревал, что со вторым зайцем произойдёт то же самое. Чего очень не хотелось.

Шакал подходил всё ближе и ближе к кусту, но заяц всё не выскакивал. Даже зародилось сомнение: не ошибся ли волк? Но все сомнения отпали, когда шакал прокрался наконец до самого куста и увидел под ним мирно спящего зайца. В первое мгновение шакал даже опешил от неожиданности.

Заяц был ещё мал, совсем зайчонок. А стало быть, доля шакала в добыче тоже будет меньше, чем хотелось бы. Прошлый заяц тоже был маленький, к тому же старый, весь скрюченный. Мясо его варили чуть ли не полночи, но оно всё равно осталось жёстким, как кора дерева. А этот заяц ещё меньше.

Шакал облизнул губы. Нужно что-нибудь придумать. Если позволить волку сейчас же поделить добычу, то всё пропало. Шакал снял с пояса моток верёвки и связал зайчонка. Тот спал так крепко, что даже не проснулся. Шакал огляделся. Что же делать? Будь у него хотя бы немного больше времени...

Луна на короткий миг выглянула из-за облаков, но этого момента хватило, чтобы рассмотреть росшую совсем рядом огромную старую иву с большим нижним сукком. Шакал перекинул через этот сук свободный конец верёвки и, потянув за него, высоко поднял зайчонка. Осталось только закрепить верёвку. Оглядываясь по сторонам, шакал в темноте обо что-то споткнулся. Это был торчащий из-под земли корень дерева. Нагнувшись, шакал потрогал корень и, убедившись в его крепости, принялся привязывать к нему верёвку.

– Ты что это делаешь? – раздался вдруг рядом окрик волка.

Шакал, от неожиданности вздрогнув, чуть не выпустил из рук верёвку.

– Вот... поймал, – пробормотал он, с трудом затягивая узел предательски задрожавшими руками. – Заяц так крепко спал, что даже не проснулся, – прибавил он, поднимаясь.

Оглядев всё сооружение и проверив одной рукой, крепко ли держит верёвка, волк одобрительно крикнул.

– Принеси мешки и собери хворост для костра, – велел он, а сам, подобрав с земли ветки, начал разжигать костёр тут же, под ивой, на небольшой площадке, свободной от кустов.

Шакал побежал к тому, месту, где они с волком разошлись. Немного проплутав в темноте среди ракушек, шакал отыскал наконец мешки с вещами и потащил их к уже разгоревшемуся костру. Особенно тяжёл был большой мешок волка, набитый всякой всячиной. По дороге шакал лихорадочно соображал, как бы ему обхитрить волка и заполучить себе долю побольше. Вернувшись, он сложил мешки под ивой.

– Слушай, волк, – начал шакал, но уже до того, как открыл рот, он уже откуда-то знал, что из его затеи ничего не выйдет. – Добыча хорошая, да только больно маленькая. С неё и одному-то не наестся, а если разделить на двоих... – не закончив, шакал выразительно замолчал.

– Это да, – не оборачиваясь, протянул волк, который рылся в своём мешке. – Маловата добыча.

– Неплохо было бы увеличить добычу. Тогда и доля каждого станет больше. Можно же что-то сделать...

– Чепуха! – Волк вытащил из мешка глиняный горшок и костяные ножи. – Давай, собирай хворост.

– Но один способ-то есть.

– Это какой?

Шакал затаил дыхание. Сейчас всё решится!

– Лис Чернобур и Рыжий Лис тоже ведь думали об этом, – сказал он, будто не замечая вопроса товарища, а продолжая свои размышления. – А они оба знали толк в охоте...

– Говори, не тяни ты за хвост, – нахмурился от нетерпения волк.

Прежде чем ответить, шакал сглотнул.

– Нужно откармливать добычу, а не сразу...

– Не убитая добыча всегда сбегает! – даже не дослушав, перебил волк, поставил рядом с костром горшок и сложил рядом ножи.

Шакал совсем упал духом. Мысль с самого начала была плохая. Даже если бы волк согласился, где бы они держали зайчонка?

– Давай хотя бы поделим добычу по справедливости – поровну! – проскулил он.

Волк достал из мешка потёртую оленью шкуру и расстелил её под ивой.

– Тебе – голову, – сказал он, с довольным видом усаживаясь на шкуру и откидываясь спиной на ствол дерева.

Это была всегдашняя доля шакала в добыче, но никогда ещё она не казалась ему такой ничтожной, как сейчас.

– Добавь ещё хотя бы шею!

– Решил обхитрить меня, разделяя шею от тулова? – хохотнул волк.

Шакал поморщился, не понимая, шутит его товарищ или говорит серьёзно. Эта была известная притча о волке и лисе. Хитрый лис, деля добычу, так разделил шею от туловища, что первое оказалось больше второго.

– Ты сам определишь, где кончается шея, – поспешил сказать шакал на случай, если волк не шутит.

– Если отдам тебе шею, то мне самому что останется? – усмехнулся волк. – Сам видишь – длинноухий совсем маленький. Собери хворост и принеси воды, а то тебе вообще ничего не достанется!

Шакал понуро потащился в кусты. Хоть волк и туповатый, но такой упрямый! Никак его не перехитрить и не переубедить. Набрал целую охапку сухих веток, шакал вернулся и подлю-

жил часть их в костёр. Настроение совсем испортилось. Теперь, когда зайчатины ему полагалось совсем мало, её хотелось ещё сильнее, чем прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.